

V.
E 16

О ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ.

А. Евдееваго.

Гр. 482

Препровождено 1966

ИЗДАНИЕ

Тип. архив. Д. Новалъский на Кривчатинъ въ д. Доросовск.

1876.

Дозволено цензурою. Кіевъ 4-го Декабря 1876 года.

ЕМЕЛИНОВА
Владимиръ

КІЕВСКАЯ ПЕЧАТНІЦА
ПЕРВОМУ КЛАССУ

220/2

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

§ 1. Понятіе и виды лицъ, какъ субъектовъ права. Теорія ученыхъ о юридическихъ лицахъ. Критика ученія Бринна о безсубъектныхъ правахъ	1
§ 2. Юридическія свойства благотворительныхъ учрежде- ній и <i>hereditas jaceas</i>	20
§ 3. Корпорации, какъ исключительный видъ юриди- ческихъ лицъ. Сущность понятія <i>corporative Societat</i> . Отличіе кор- пораций отъ торгового и акціонернаго товарищества .	36
§ 4. Виды корпораций, какъ юридическихъ лицъ	55

§ 1. Положенію, что всякое право для своего осуществленія нуждается въ опредѣленномъ субъектѣ, или носителѣ, является основнымъ въ сферѣ юридическихъ понятій. Субъектомъ правъ представляется прежде всего отдѣльный человѣкъ, какъ существо, обладающее всеми свойствами лица, которое надѣлено способностью самоопредѣленія и возможностью имѣть и выражать правоимѣрную волю¹⁾. Но понятіемъ лица не исчерпывается понятіе субъекта правъ — понятие является болѣе сложнымъ: надо имѣть надѣ лицо правоспособное т. е. признаваемое положительнымъ правомъ. Такимъ образомъ, понятіе субъекта правъ шире понятія лица, послѣднее, въ свою очередь, шире понятія отдѣльнаго человѣка. Слѣдовательно, все то, что кромѣ отдѣльнаго человѣка способно имѣть и выражать правоимѣрную волю, будетъ называться лицомъ; если, затѣмъ, оно будетъ надѣлено правоспособностью (признано положительнымъ правомъ), то для него открывается возможность приобретенія правъ и обязательствъ, а при осуществленіи этой возможности, оно становится субъектомъ правъ.

¹⁾ Въ дефиниціи Угелера — *Persönlichkeit ist die Fähigkeit, einen rechtlichen Willen zu haben* — присутствуетъ всякая важная черта: признаетъ въ опредѣленіи личности: возможность выражать правоимѣрную волю — *Krit. Uebersch. VI. 158*. Дѣло, конечно не в томъ, какъ существо способно имѣть и выражать правоимѣрную волю, въ строгомъ смыслѣ слова, но способность эта, необходимая для понятія лица. Эти личности, даже если считать ихъ представителями (кураторами), не имѣя способности къ самоопредѣленію, не могутъ считаться лицами въ юридическомъ смыслѣ, но представляются только суррогатами лица.

Мы имѣемъ два рода лицъ—физическія (отдѣльный человѣкъ) и юридическія. Юридическое лицо образуется союзъ физическихъ лицъ¹⁾. Необходимость признанія союза физическихъ лицъ за самостоятельное лицо,—признанія, равнозначнаго надѣленію такого союза правоспособностью, не подмываетъ никакому сомнѣнію. Римское право безслѣдно слѣдовало выставленному началу: оно очень ясно проводило различіе между universitas и societas²⁾. Universitas означало лишь естественный, фактически сдѣланный конгломератъ корпорація, который только вслѣдствіе государственнаго признанія возмѣщается до понятія самостоятельнаго субъекта правоотношеній или societas³⁾; слѣдательно societas представляетъ признанную государствомъ universitas personarum. Но нѣкоторые позднѣйшіе ученые считаютъ государственное признаніе корпорацій совершенно излишнимъ въ настоящее время; и если взгляды римскаго права слѣдуютъ Славина, Пфейфера, Вейса и Сальковскій, за то на сторонѣ противоположнѣе признанія выступаютъ гротіусъ и даже Вазалера, Блунтии, Шюлера и даже Угера.

Но весьма вѣскому замѣчанію Пфейфера⁴⁾ какъ недостаточно одного государственнаго признанія для того, чтобы простое общество (Verein) сдѣлалось юридическимъ лицомъ (Körpation) такъ, съ другой стороны, безъ такого признанія фактически существующая корпорація не можетъ стать на степень юридического лица. Славина⁵⁾ счи-

¹⁾ Самый терминъ „юридическое лицо“, является чрезвычайно удачнымъ, такъ какъ онъ самодѣлательность, что этотъ субъектъ права обладаетъ своимъ происхожденіемъ положительному юридическому признанію. См. Диттмаръ—Begriff und Wesen d. sogenannten juristischen Personen. 1878. § 45.

²⁾ См. Сальковскій—Bemerkungen zur Lehre v. d. juristischen Personen. 1863. стр. 25.

³⁾ Die Lehre v. d. juristischen Personen. 1847. § 15.

⁴⁾ System des heutigen römischen Rechts. B.d. II. p. 277.—Die Nothwendigkeit der Staatsgenehmigung zur Entstehung jeder juristischen Person hat, unabhängig von politischen Rücksichten, einen durchgreifenden juristischen Grund. Der einzelne Mensch trägt seinen Anspruch auf Rechtssähigkeit schon in seiner natürlichen Beschaffenheit mit sich. Wird nun die natürliche Rechtssähigkeit des

тотъ каждое юридическое лицо основанное на факции, на которой совокупность физических лиц или множествъ представляется единымъ лицомъ; оно является исключительно результатомъ государственнаго признанія, которое, по мнѣнію Савиньи, основано не только на политическихъ соображеніяхъ: оно имѣетъ и строго юридическую почву, такъ какъ въ немъ заключается актъ открытія падѣленія юридического лица правоспособностью.

Но противъ высказаннаго Савиньи положенія очень сильно возражаетъ Вундтчи¹⁾. По его мнѣнію государство вовсе не является творцомъ юридического лица; дѣятельность государства въ этомъ отношеніи должна ограничиваться только докушею или соизволеніемъ (Zulassung, Gewährung) его, и только въ томъ случаѣ, когда существованіе свободно образованнаго юридического лица почтенію либо предло възаетъ на политическую или правительственную жизнь общества, государство можетъ положить на него свою руку. Въ подтвержденіе своихъ положеній Вундтчи приводитъ примѣры свободнаго и безконтрольнаго образованія юридическихъ лицъ въ средніе вѣка въ Германіи, которые являлись самыми дѣятельными агентами гражданского оборота, и за которыми общественная власть только выдѣляла одною или существованію (wenn, признавала качество субъекта права. Если взглянуть глубже въ сущность возраженій Вундтчи, едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что они дѣйствительно подрываютъ положеніе, выраженное Савиньи. Послѣдній ученый обращаетъ свое вниманіе всего не на субстратъ юридического лица. Субстратъ корпорации не составляетъ еще субъекта правоотношеній;

gleichen Menschen durch Fiktion auf ein Meeres Subject übertragen, so soll jede natürliche Begünstigung gütlich; nur der Wille der höchsten Gewalt kann dieselbe erlangen indem er künstliche Rechtsobjekte schafft, und wollte man dieselbe Macht der Privatkultur abnehmen, so würde unvermeidlich die höchste Ungenügsamkeit des Rechtszustandes entstehen, selbst abgesehen von dem grossen Missbrauch, der durch unredlichen Willen möglich wäre.

¹⁾ Wundtschil—Deutsches Privatrecht p. 68.

это только его реальная сторона. Но если по отношенію къ фактическому лицу самый фактъ его происхожденія, при наличности известныхъ условій, сдѣлается съ моментомъ признанія его правоспособности, то этого никакъ нельзя сказать относительно юридическихъ лицъ; юридическія лица создаются для достиженія известныхъ цѣлей, и хотя необходимость ихъ существованія устанавливается потребностями общественной жизни, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ санкція государственнаго признанія действительной необходимости созданія того или другого юридическаго лица является положительно существенной, и только при такихъ условіяхъ возможно происхожденіе юридическаго лица, какъ субъекта правъ. Въ этомъ смыслѣ государство является, если не творцомъ экономическаго субстрата корпорации, то, по крайней мѣрѣ, оно оказываетъ положительное вліяніе на появленіе самостоятельнаго субъекта правъ, какъ это высказываетъ Савиньи. Наконецъ, и самъ Вундт не отрицаетъ, какъ это можно видѣть изъ приведенной выше цитаты, государственный контроль въ томъ случаѣ, когда юридическое лицо вредно вліяетъ на общественный бытъ. Гораздо умѣстнѣе перекладывать этотъ контроль къ моменту самаго происхожденія юридическаго лица, такъ какъ только при такомъ условіи государство съ одной стороны будетъ содѣйствовать образованію однихъ лишь полезныхъ для общества юридическихъ лицъ, а съ другой — не всегда выйдетъ по отношенію къ нимъ изъ положенія полицейскаго агента¹⁾. Эти соображенія достаточно ясно показываютъ, что Вундтъ, такъ сильно нападая на мнѣніе Савиньи, самъ не отрицаетъ государственнаго признанія по отношенію къ юридическимъ лицамъ, различая только то, что Савиньи требуетъ признанія юридическаго лица болѣе видимаго — въ формѣ опредѣленнаго акта. Но въ то время, какъ послѣдній ученый не подводитъ субстратъ юридическаго лица подъ понятіе

¹⁾ Савиньи. — Bemerkungen zur I. von d. j. Page § 4.

субъекта права, Блунтши, какъ мы видѣли, дѣлаютъ эту ошибку ¹⁾).

Между физическими и юридическими лицами распределены всѣ существующія въ гражданскомъ оборотѣ права и обязательства. Но если отрицаніе свойствъ субъекта правоотношеній представляется невозможнымъ по отношенію къ физическимъ лицамъ, очень много оснований можно найти, чтобы считать сомнительнымъ самый фактъ существованія юридическихъ лицъ.

Достоѣрность существованія и свойствъ юридическихъ лицъ, какъ субъектовъ права, представляютъ обширную область для построенія научныхъ теорій. Германскихъ ученыхъ изданіа занимало изслѣдованіе этого вопроса, какъ одного изъ труднѣйшихъ и интереснѣйшихъ въ системѣ права. Этихъ ученыхъ и было построено множество теорій, представляющихъ попытки разрѣшенія вопроса о юридическихъ лицахъ; при этомъ повѣдѣніи цивилисты сдѣлали вопросъ о юридическихъ лицахъ предметомъ изслѣдованія безъ отношенія къ какому бы то ни было законодательству, хотя они иногда и останавливаются для подкрѣпленія своихъ выводовъ на примѣрахъ римскаго права. Разсмотрѣніе высказанныхъ учеными теорій должно составить предварительную задачу настоящаго разсужденія.

¹⁾ Весьма замѣчательно нѣкогда выражаетъ по поводу признанія юридическихъ лицъ Аронсъ (*Juristische Encyclopädie* p. 661). Этотъ ученый видитъ въ условіяхъ образованія юридическихъ лицъ результатъ большого или меньшаго развитія государственной власти. Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, при слабости центральной власти юридическія лица возникали безъ всякаго признанія или волеи со стороны государства; но въ настоящее время это признаніе или допущеніе существованія юридическаго лица является необходимымъ и вѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ необходимость. Форма его различна: оно выражается или въ продолженіи признанія уже фактически существующихъ юридическихъ лицъ или же—въ предоставленіи самому или образованію опредѣленной актѣ разрѣшенія. Первая форма вѣстѣ мѣсто въ томъ случаѣ, когда юридическія лица преслѣдуютъ развѣдочныя, литературныя или другія общественныя цѣли, а вторая относится преимущественно къ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду исключительно имущественныя цѣли.

Тотъ фактъ, что существуютъ права и обязанности, не принадлежащія физическому лицу, не подлежитъ отрицанію. Какъ же смотрѣть на такой вымыселъ правъ и обязательствъ? Слѣдуетъ признать одно изъ двухъ положеній или считать ихъ дѣйствительно бесубъектными (*subjectless Rechte*), или же считать ихъ принадлежностью такихъ субъектовъ, которые по природѣ своей не доходятъ подъ понятіе физическаго лица. Разрѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ направленіи раздѣляетъ ученыхъ на двѣ главныя группы. Запутанность теоретическихъ воззрѣній на юридическое лицо, представляя наглядно, если ни обратный вымыселъ на то, что ученые одной и той же группы мало въ чемъ согласны другъ съ другомъ: писатели, признающіе, крокъ физическихъ лицъ, еще и другого рода субъектовъ правоотношеній, раздѣляются, въ свою очередь, на двѣ категоріи, смотря по характеру взгляда на природу этихъ субъектовъ, одни ¹⁾ считаютъ ихъ фиктивными или вымышленными, другіе ²⁾, напротивъ, придаютъ имъ реальное бытіе.

I. Ученые, принадлежащіе, согласно нашему раздѣленію, къ первой группѣ, отсылаютъ фиктивного субъекта тому вымыслу правъ и обязательствъ, которымъ обуславливается возможность осуществленія цѣлей, выходящихъ изъ предѣловъ эго-

¹⁾ Savigny—Syst. II § 84 Puchta in seiner Abhandlung: *ab. Körper-Civilität*. Schönk. 1504. Meier—*die Lehre v. d. jurist. Pers.* § 7—11. Senffert—*Hand.* § 50. Въ этой же исторіи слѣдуетъ упомянуть и Виндгейда—(*Krit. Uebersich.* 181.1. и *Hand.* 1.109), который глубже другихъ объясняетъ необходимость устройства бесубъектныхъ юридическихъ лицъ по его мнѣнію ученіе о предѣлахъ личной дѣятельности психологическимъ образомъ, основанъ на самомъ характерѣ личности, въ его природѣ; такъ какъ у человека есть глубокое чувство изъ личности и это чувство лежитъ для правъ и обязанностей субъекта въ фиктивномъ лицѣ (хотя фикція въ глазахъ Виндгейда получаетъ своеобразный характеръ).

²⁾ Bendor—*System d. gen. Privatre.* Blunckel—*Deutsches Privatre.* § 24. Kunze-Weidell. *Krit. Zeitsch.* 7. 353. Jahring Geist d. röm. Recht. III. 299. Исторіе ученіе отводитъ его теоріи особаго мѣста.

нестическихъ стремленій физическаго лица. Съ точки зрѣнія этихъ ученыхъ совокупность физическихъ лицъ корпорація является только представителемъ того вѣдимаго субъекта, объясненіе свойствъ котораго будетъ нести уже трансцендентальный характеръ¹⁾; самъ онъ, по ихъ мнѣнію, создаетъ правенъ для удовлетворенія настоящихъ потребностей гражданской жизни. Но правовое творчество въ этихъ случаяхъ несовершенно—оно, конечно, не можетъ признать создаваемаго имъ субъекту никакихъ атрибутовъ живаго существа, влѣдствіе чего и юридическое лицо не можетъ возн. Пухта²⁾ выражаетъ эту мысль наиболее откровенно; по его мнѣнію Juristische Personen sind vom Rechte

Между этими двумя труппами оспаривать вѣдомствъ Архива—Fand. § 42. Угера—Krit. Uebersch. VI. 157 и Сальмоньер—Bemerkung. z. Zchr. v. d. jurist. Pers. 1863. Угера возмодитъ на основаніи фиктивнаго юридическаго лица его субстратъ—изъ корпораціи состоитъ физическихъ лицъ (Personenvereine), а въ учрежденіяхъ—единица личности.

Архивъ умилительно вѣдомствъ именитъ юридическое лицо фиктивитъ, чтобы не дать основаній считать его влѣдствіемъ въ системѣ правъ (возмодному онъ очень мало придаютъ значенія термину—фиктивное лицо, считая его равносильнымъ—единице личности совокупности физическихъ лицъ.

Сальмоньеръ, подобно другимъ другимъ ученымъ подъ именемъ юридическаго лица возмодитъ совокупность физическихъ лицъ, представляющій статистическую единицу.—Die Gesamtheit aller jeweiligen Mitglieder, als collective Einheit gedacht im Gegensatz zu den Einzelnen, als für sich bestehenden Personen, Rechte besitzen und erwerben kann.

2) Selbst wenn alle Einzelne, ohne Ausnahme, gesellschaftlich handeln, so ist dieses nicht so anzusehen, als ob das ideale Wesen, welches wir die juristische Person nennen, gehandelt hätte. Savigny. Syst. II. 332.

Въ томъ случаѣ, когда вѣдомствъ оспариваю физическаго лица, стремимся къ достиженію цѣли, какъ надлежитъ юридическому лицу, возмодительное право, съ точки зрѣнія разсмотрѣнной теоріи, создаетъ фиктивное лицо для личности личности, служащей вѣдомствъ цѣли.—Stiftungen, ruhende Erbschaft; но оспариваю вѣдомствъ теоріи о фиктивности лицъ не вѣдомствъ возмодительныхъ возмодитъ онъ въ этихъ вѣдомствъ случаяхъ создающій фиктивную субъектъ или не вѣдомствъ отъ субстрата или фиктивной подкладки того, что въ данномъ случаѣ составляетъ hereditas jacens или, вѣдомствъ, связано съ нимъ неразрывно (Windscheid. Krit. Uebersch. 1-181).

¹⁾ Fand. § 50.

fingirte Personen ohne Willen. Савиньи ¹⁾ ставитъ юридическое лицо въ отокъ отношеній на одной ступени съ Unmündigen и Wahnsinnigen.

Теорія о фиктивныхъ лицахъ, представляется весьма цѣлесообразной въ практическомъ отношеніи, разрѣшаетъ неудобно-теоретично вопросъ о существіи юридическихъ лицъ, такъ какъ она выставляетъ такихъ субъектовъ правоотношеній, которые не содержатъ въ себѣ свойствъ необходимыхъ для повлія лица²⁾.

II. Другую теорію представляютъ ученые, которые считаютъ юридическія лица реальными существами, а не созданными фиктивно положительнымъ правомъ. Надо сказать, что эта теорія отличается мнѣніемъ положительности, нежели теорія о фиктивныхъ лицахъ. Впервые она была выражена Бозелеромъ ³⁾, но особенно полное развитіе она получила у Ваунтча ⁴⁾. Ваунтчи считаетъ фантастическимъ тотъ пріемъ, который употребилъ Савиньи при построеніи своей теоріи о юридическихъ лицахъ. По мнѣнію Ваунтчи юридическое лицо есть реальный субъектъ правоотношеній. Существо юридическаго лица, съ его точки зрѣнія, хотя и отличается отъ своего субстрата, но въ то же самое время является органическимъ и дѣйствительно существующимъ (organisches und wirkliches Wesen), имѣющимъ подобно физическому лицу органы и даже волю.

¹⁾ Syst. II 232.

²⁾ Приводимъ изреченіе изъ вѣстника Pandä (Arch. f. Pand. XIV. 4) и, особенно, Böhm (Rechtsobjekt und Personentheorie) представителей особой теоріи о юридическихъ лицахъ. По мнѣнію этихъ ученыхъ, въ силу котораго фактически безсубъектна личность, съ юридической точки зрѣнія сѣдуетъ считать какъ-бы принадлежащую фиктивному лицу (einem menschlichen Subject), стоящему только въ положеніи субъекта, но не обладающему имъ въ дѣйствительности, весьма трудно понимать, если не считать этихъ ученыхъ представителями теоріи о фиктивныхъ лицахъ. Zitelmann — Begriff § 6.

³⁾ Völkerrecht und Juristenrecht.

⁴⁾ Deutsches Privatrecht.

Висшииъ принципъ такого реального бытія юридическаго лица является государсто. Что же касается другихъ видовъ юридическихъ лицъ, то Блуитчли, считая и ихъ реальными субъектами, не представляеть достаточныхъ доказательствъ своего мнѣнія; и надо сказать, что здѣсь и обнаруживается особенно ясно слабая сторона разсматриваемой теоріи. Въ томъ же смыслѣ высказывается о юридическихъ лицахъ Кунце¹⁾ и Эльверсъ²⁾. Хотя Кунце реальнымъ субъектомъ правоотношеній считаетъ только корпораціи. Учрежденія и другіе виды этого института, по его мнѣнію, представляютъ фиктивные лица.

Можно утверждать, что изъ того же начала, на которомъ стоитъ при разсмотрѣніи вопроса о юридическихъ лицахъ Блуитчли, Кунце и Эльверсъ, выходитъ также и Игерингъ³⁾. Не тѣ логическія вѣтви, которыя позволяютъ себѣ дѣлать этотъ ученій, объясняются исключительно тѣмъ, что онъ захотѣлъ уже слишкомъ далеко въ своемъ стараніи воздержаться отъ того, что онъ называетъ излишнимъ и безграничнымъ эмпиріозисомъ. По мнѣнію Игеринга субъектами правъ корпораціи и учрежденія являются члены корпораціи и лица, получающія выгоды отъ учрежденія; такимъ образомъ правомоспособность не пригнорачивается къ одному опредѣленному субъекту, но распространяется на отдѣльныхъ индивидуумовъ, составляющихъ въ данное время ту или другую корпорацію, или заинтересованныхъ въ данномъ время существованіемъ того или другого учрежденія. Эти физическія лица по характеру своего правосудія кажутся корпораціи или учрежденію различны въ своихъ внутреннихъ и внешнихъ отношеніяхъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ они являются отдѣльными носителями правъ, а въ послѣднемъ они пред-

¹⁾ Krit. Zeitsch. V. 359.

²⁾ Schriftwechsel 1.36.

³⁾ Crit. d. N. R. III. 331.

ставилась собою совокупность. Теорія Игеринга вышедшая из начал своего воззрѣнія гражданскій успѣхъ, потеряла теперь свое прежнее значеніе. Фактъ существованія учрежденія, при отсутствіи заинтересованныхъ въ немъ лицъ (*Interessierten*) въ данное время, не подлежитъ сомнѣнію. Невидержанность же теоріи Игеринга особенно ясно обнаруживается въ томъ, что этотъ ученый во внѣшнихъ отношеніяхъ объединяетъ, какъ мы видѣли выше, отдѣльныхъ носителей правъ до предстаненія о коллективности единствъ (*Collective Einheit*). Справедливымъ, следовательно по отношенію къ Игерингу замѣчаніе Циттеляна¹⁾, который не считаетъ точкой зрѣнія Игеринга юридической.

III. Въ ученихъ, допускающихъ существованіе безсубъектныхъ правъ и обязательствъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ отнести Бринна²⁾, Демеліуса³⁾ и Веккера⁴⁾. Съ особенной энергіей возражаетъ противъ ученія о юридическихъ лицахъ Бринна, который очень удачно пользуется взглядомъ Игеринга, Кунце и другихъ ученихъ для того, чтобы показать, что всѣ ихъ заключенія и очевидныя заключенія отъ истинности римскаго права превосходятъ результаты совершенно неправильнаго взгляда —

¹⁾ Begrif § 11.

²⁾ Pandektenrecht—II. 379—415a.

³⁾ Jhering'sche Jahrb. IV. 2.

⁴⁾ Gedächtnissch. Zeitsch. f. Handel. u. IV. 60b. Веккеръ изложилъ наиболее изданный воззрѣніемъ Бринна. Она, однако, стоитъ тутъ же считать два вида Zweckvermögen (различныя повода распоряженія и возмездія пріобрѣт.—*Verfügen* и *gewinn*.)—*abhängige* Zweckvermögen и *unabhängige*, смотря по тому, составляютъ ли они въ данномъ случаѣ что либо принадлежность или нѣтъ. Но еще раньше возмездія теорія Бринна, Демеліуса не ограничиваетъ сферу субъектовъ правъ одними только лицами, но признавала несомнѣнно права и вещи (*Geldpfand*)—II. Jahrb. 293.1.

Понятія Веккера востранно теорія согласна съ учениемъ Бринна и Игеринга, сдѣлавъ впрочемъ примечанію—*Rechtsaufhebt ist also was die Verfügung verleiht, nicht was die Verfügung hat, widerspricht* достоянному оужденію. См. у Циттеляна—Begrif s. 46.

непроницательно правое определенному субъекту (irgendwem), а не считать их в известном случае служебной принадлежностью той или другой цели — Zweckvermögen (für Etwas).

Отбросив старое учение о юридических лицах, Вринцъ строятъ свою теорію, главнымъ образомъ, на томъ, что представляется существование такихъ имуществъ, которыя никому не принадлежатъ (keinem), но въ то же самое время предназначены для постоянного служебнаго определеннои цели; такъ что, следовательно, вместо той связи, которая обыкновенно бываетъ между лицомъ, какъ субъектомъ, и правомъ, является другая тоже очень сильная связь права съ определенною целью. Но такъ какъ служебное той или другой цели затрагиваетъ также интересы присутствующихъ лицъ, то по этому, и по иному Вринцъ, отрицать посредственной связи лица съ Zweckvermögen никакъ нельзя. — Nur wäre damit, dass das Zweckvermögen Niemand gehört, nicht gesagt das Niemand Rechte haben¹⁾ können¹⁾.

Такова логическая схема, которую употребляетъ Вринцъ для построения своей теоріи о Zweckvermögen. Основанія, которыми полагаютъ этотъ ученый для подтвержденія своей основной мысли о служебномъ праве и вещи определенной цели, заимствованы изъ системы римскаго права: „Римское право, говоритъ Вринцъ, имѣло свое раздѣленіе лицъ (personarum divisio), но въ главнѣйшіе признаки различія физическихъ и юридическихъ лицъ, которыя стали въ новѣйшую науку были чужды римскому праву²⁾. За то римляне очень хорошо сознавали различіе между отдѣльными родами вещей, какъ объектовъ права; юрсты Гай подраздѣляютъ всѣ вообще вещи на res divini et humani iuris;

1) Цитируются вообще известные доводы, что даже Вринцъ и Беккеръ слѣдуютъ правилу — Kein recht ohne Subject — и только фактически признаютъ существованіе безсубъектныхъ правъ Begriffs — 22.

2) Видно также доказываетъ, что римскому праву не былъ известен фактически лицъ, какъ это думаютъ Савиньи и другіе послѣдователи. Personification theorie Rechts-Subject und Personartheile.

изъ нихъ виды перваго рода считались *res nullius*, а втораго бывали обыкновенно принадлежностью опредѣленныхъ субъектовъ, хотя иногда также становились *res nullius*². Вринцъ пользуется этимъ римскимъ типомъ *divisiōis* и доказываетъ, что его ималь о *Zweckvermögen* не составляетъ вынуса, является только лучшимъ юридическимъ обозначеніемъ тѣхъ вещей, которыя были у римлянъ и существуютъ въ настоящее время, стоя наъ всякой связи съ опредѣленными субъектами, служа, однакожъ, извѣстной дѣли и подпада подъ римское понятіе *res nullius*. — Второе основаніе для признанія новой теоріи Вринцъ видитъ въ ней же самой, въ необыкновенной ея цѣлесообразности, которая такъ сильно говоритъ о себѣ, что ее, хотя не ясно, создавали даже ученые, признающіе юридическія лица. Также, если можно такъ выразиться, инстинктивное согласіе съ своей теоріей Вринцъ видитъ у Пфферда и Пухты; у послѣдняго именно въ его выраженіи — *Bestimmung, die manchen Gütern gegeben ist, für die Zwecke einer Gesamtheit als solcher oder für einen sonstigen über das Interesse bestimmter einzelnen Personen hinausliegenden Zweck, und die es unthunlich oder unpassend, als die zu diesen Gütern Berechtigten die einzelnen natürlichen Personen zu behandeln.* (Pand. § 25). Наконецъ, замѣчаетъ Вринцъ, особенно ясно выступаетъ на видъ связь между обоими теоріями въ сознаніи цѣли, для которой имущество является служебной принадлежностью въ такъ называемыхъ *universitates beneficii* (*rine cause, Stiftungen*). По поводу этихъ послѣднихъ Пухта прямо замѣчаетъ, что въ нихъ сама цѣль разсматривается, какъ управомоченный субъектъ, фактически представляющійся отдѣльной личностью. Въ этомъ замѣчаніи Вринцъ видитъ уже положительное согласіе съ основаніемъ своей теоріи, такъ какъ въ этихъ словахъ Пухты выступаетъ признаніе непосредственнаго отношенія цѣли къ имуществу; хотя, однакожъ, и Вринцъ не забываетъ, что Пухта стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, раз-

считавшая цѣль, какъ субъектъ, доведенный до представленія обѣ отдѣльнымъ лицѣ; такъ что, слѣдовательно, съ точки зрѣнія Пухты, имуществомъ право и въ этотъ случай не-такъ принадлежать кому-то, а не служить только для чего либо (*irgend wem, а не für Etwas*). Крахъ Пухты Бринцъ показываетъ также Угера въ признаніи своей теоріи. Такое же согласіе съ своей теоріей онъ видитъ у Фитинга и Вандштейда. Таинств. образомъ по мнѣнію Бринца, его теорія подтверждается основаніями, сознанными многими учеными еще раньше его самого. Признаніи новосты и, вѣрнѣе цѣлесообразности, въ ней заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что Бринцъ считаетъ ту цѣль, для которой назначено имуществомъ право, изъ такой кривой юридической мысли съ этики помыслимъ, какая обыкновенно бываетъ между лицами, какъ субъектомъ, и принадлежащимъ ему правомъ. Этотъ ученый, слѣдовательно, находитъ большую близость между старой и новой теоріями: какъ та, такъ и другая признаетъ служебіе права данной цѣли, разница только въ томъ, что въ то время, какъ по прежнимъ воззрѣніямъ праву помимо цѣли придумывали еще фактивнаго или даже органическаго субъекта, новая теорія совершенно устраняетъ такіе вымыслы. Это послѣднее обстоятельство и дѣлаетъ ее, по мнѣнію Бринца, особенно цѣлесообразной; такъ что съ принятіемъ ее очень легко можно избѣжать всѣхъ тѣхъ патажковъ, которые дѣлались истинными для усвоенія истиннаго смысла въ понятіи юридическаго лица.

Вотъ въ сущности видѣтъ основанія и доводи, которыми подтверждаетъ Бринцъ свою новую теорію, выраженную очень сильный протестъ противъ ученія о юридическихъ лицахъ. Впечатлѣніемъ глубже въ сущность этихъ доводовъ нельзя не замѣтить особенно бросающагося въ глаза противорѣчіе, состоящаго въ томъ, что Бринцъ въ одно и то же время придумываетъ новую теорію о *Zweckentwägung*, заключающую ученіе о юридиче-

снихъ лицахъ, какъ совершенно неудовлетворяющее требованіямъ индивидуальности правовыхъ послатій, и находитъ очень много общихъ чертъ между обѣими теоріями, какъ это можно было наблюдать въ томъ изъятіи его разсужденій, которые касались возрѣвѣній Пухты на *universitas bonorum*. Между мнѣніемъ Пухты, признающего по отношенію къ *universitas bonorum* субъектомъ опредѣленное фактивное лицо, какъ результатъ олицетворенія известной цѣли, и мнѣніемъ Вринца, считающего эту личность имущестіемъ только служебной принадлежностью данной цѣли, съ строго логической точки зрѣнія нѣтъ ничего общаго. Разница обѣихъ мнѣній выражается особенно ясно, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія характера связи имущества съ известной цѣлью или же съ опредѣленнымъ субъектомъ. Опредѣленная цѣль, какъ бы она ни была ясно поставлена, для своего выраженія представляеть цѣлю съ другихъ посредствующихъ цѣлей, которыя и составляютъ въ данное время содержаніе имущественнаго употребленія, такъ что, слѣдовательно, связь известного имущества съ опредѣленною цѣлью является весьма часто разорванной. Она прѣика только тогда, когда имущество находится, если можно такъ выразиться, въ статическомъ состояніи. Но всякое движеніе этого имущества въ оборотѣ удовлетворенія известной цѣли отодвигаетъ съ юридической и фактической стороны эту цѣль на задній планъ, выставляя цѣли болѣе непосредственныя. Такимъ образомъ, та непосредственная связь имущества и цѣли, о которой такъ много распространяется Вринцъ, постоянно нарушается. Между тѣмъ олицетвореніе цѣли и возведеніе ее даже фиктивно на степеня субъекта, которому принадлежитъ имущество, имѣетъ глубокую разницу съ назначеніемъ этого имущества для служенія опредѣленной цѣли. Связь, которая устанавливается въ первомъ случаѣ, тверда. Тѣ роды употребленія имущества, которые дѣлаютъ тотъ или другой субъектъ для удовлетворенія цѣли, выставляющимъ его личными потреб-

постяли, не смотря на ихъ разнообразіе и многочисленность, несколько не разрываетъ связи, выражающейся въ принадлежности этого имущества его субъекту. Наконецъ, та точка зрѣнія, которую выставилъ Вринцъ, вовсе не ведетъ къ установленію точныхъ и цѣлесообразныхъ юридическихъ опредѣленій, такъ какъ всякое имущество, хотя принадлежащее опредѣленному субъекту, но служащее одной цѣли, должно называться *Zweckvermögen*. Та имущество, которыя давались государствомъ покровительству лицамъ въ вознагражденіе за ихъ службу, должны быть названы *Zweckvermögen*; тѣмъ же именемъ надо назвать жалованье, которое платитъ государство чиновникамъ. Наконецъ, безъ особенной натяжки подъ понятіе *Zweckvermögen* подойдетъ всякое имущество которое въ данное время является содержаніемъ извѣстнаго хозяйственнаго употребленія. Разница здесь только то, что цѣль въ этомъ случаѣ постоянно измѣняется, но это измѣненіе цѣли по отношенію къ тому предмету, въ которомъ мы будемъ наблюдать имущество, вовсе не имѣетъ значенія. Таковы соображенія, которыя совершенно естественно приходятъ на умъ при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи главнаго содержанія теоріи Вринца. Формулируя кратко неудовлетворительность той точки зрѣнія, на которой стоитъ Вринцъ, слѣдуетъ сказать, что эта точка зрѣнія вовсе не юридическая.

IV. Не можетъ подойти ни подъ одну изъ разсмотрѣнныхъ нами категорій не сводить воззрѣній на характеръ и свойства юридическихъ лицъ Штолцманъ¹⁾. По мнѣнію этого писателя субъектомъ права является все то, что имѣетъ возможность проявлять желаніе или хотѣніе (*was wollen darf*), такъ какъ самое право въ субъективномъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ юридическое могущество (*Macht*), дарованное объективнымъ правомъ (*Recht im subjectiven Sinne ist eine vom Recht*

¹⁾ Zitelmann—Begriff und Wesen d. j. Personen. Стр. 62—110.

Im objectiven Sinn verliehene rechtliche Macht). Но понятие субъекта, съ точки зрѣнія Цитольмана, является сложнымъ—подъ нимъ надо разумѣть наличность правоспособной воли (Petabulichkeit) и признаніе ее положительнымъ правомъ (Rechtsfahigkeit). Понятие телесности (Leiblichkeit) стоитъ въ сторонѣ отъ понятія личности, а следовательно и правоспособности. Сферу юридическихъ лицъ Цитольманъ ограничиваетъ только корпораціи, представляющими, съ его точки зрѣнія, не совокупность физическихъ лицъ (Das Substrat der Corporation sind nicht einzelne Menschen) но объединенную въ единство направленіи волю членовъ корпораціи—Vielmehr werden nur die Willen der Corporationsgliedergeint und zwar nicht dieganzen Willen sondern nur ihre Willen in einzelnen ihrer gemeinsamen Richtungen und Zwecke oder in einer Gesamtheit derselben. Что-же касается ~~до~~ Stiftungen и ruhende Erbschaft то субъектомъ по мнѣнію Цитольмана—въ отношеніи первыхъ является воля учредителя, а для ruhende Erbschaft—воля наследодателя (Nicht ist der Stifter oder Erblasser, das Subject, sondern nur ihr Wille. Begriff. 73).

Юридическое лицо по опредѣленію Цитольмана, составляетъ сложную волю—Juristische Personen sind unkörperliche Willen. Такова сущность остроумной теоріи Цитольмана. Но главный недостатокъ этой теоріи состоитъ въ томъ, что согласно ей, субъектомъ права надо считать не источникъ воли, способный къ самоопредѣленію и признанный положительнымъ правомъ, но самую волю. Не говоря уже о крайней туманности самой этой теоріи, неустойчивость ее обнаруживается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда право въ одинъ и тотъ же моментъ испытываетъ на себя вліяніе выражаемой въ одной направленіи воли нѣсколькихъ физическихъ лицъ, какъ это бывало иногда въ договорѣ.

Нельзя въ теоріи, высказанная ученики и цитлистами, ни видѣть, что съ перваго взгляда довольно трудно объяснить

сущность и свойства юридического лица, какъ субъекты правоотношений. Надо, следовательно, сознаться, что ті несогласія писателей, которые мы только-что наблюдали, происходят не изъ за какогонибудь маловажнаго признака въ понятіи юридического лица, а основаны на весьма серьезныхъ соображеніяхъ — можно ли признать за той или другой совокупностью физическихъ лицъ свойства, необходимыя для того, чтобы считать ее субъектомъ правъ самостоятельное и независимое отъ составляющихъ ее индивидуумовъ? Разрѣшенію этого вопроса въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ равносильно жизни и смерти не только для термина юридического лица, но и для самаго института; такъ какъ нельзя въ одно и тоже время считать юридическое лицо за самостоятельный субъектъ права и подставлять подъ это понятіе отдѣльные физические индивидуи (какъ это дѣлаетъ Иггерингъ). Подобную подстановку возможно дѣлать только по отношенію къ фактическому соединенію физическихъ лицъ, какъ это бываетъ въ товариществахъ. Здѣсь мы, дѣйствительно никакъ не можемъ возмущаться до понятія объ отдѣльныхъ субъектѣхъ, игнорируя существующую въ данномъ случаѣ наличность физическихъ лицъ. И такъ, мы должны согласиться, что установленіе точнаго понятія о юридическомъ лицѣ, какъ объ отдѣльномъ субъектѣ, возмущающееся надъ составляющими его физическими лицами нужно считать предметомъ вполне достойнаго изслѣдованія, а не забавой праздною схоластики. Еще ранское право, которому обязана наука установленіемъ института юридическихъ лицъ, приложило много старанія для правильнаго уясненія идеи юридического лица. И надо сознаться, что эта идея у римлянъ вышла блестяща. Римскіе юристы очень хорошо сознавали разницу между *corpus* и *societas* и проводили ее гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ современное ученье, признающее свойства юридического лица за акционерными товариществами. Эти юристы различали, кромѣ того понятія *corpus* и *universitas*. *Universitas*

означало, по ихъ мнѣнію, только остоетвенный, фактичеескій суб-
стратъ корпораціи: союзъ физическихъ лицъ, возникающійся до
понятія союза только вълѣдствіе признанія его государствомъ за
отдѣльнаго субъекта правоотношеній. Современной науцѣ права
остается, слѣдовательно воспользоваться результатами рижскаго
правовѣднія, чтобы стоять на пѣрвой и прямой дорогѣ къ со-
вершенному выясненію вопроса о юридическихъ лицахъ, какъ
одного изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ въ системѣ права. Та-
кимъ образомъ, не уничтоженіе юридическаго лица должна имѣть
въ виду теорія права, а наилучшее условіе его природы, такъ какъ
она не въ силахъ убить въ гражданскомъ оборотѣ институтъ съ
такими живыми задатками, какииъ представляется юридиче-
ское лицо. Современный бытъ выдвигаетъ такихъ требованія, ко-
торыхъ удовлетвореніе запрашиваетъ не одного только имуще-
ства но и лицъ, и притомъ, не фактическаго нѣх соединенія,
а юридическаго. Разладъ, который хотѣтъ установить нѣкоторые
ученые между теоріей и дѣйствительною жизнью, отбрасывая уче-
ніе о юридическихъ лицахъ, во всякомъ случаѣ не желательно
для общественной науки, какою является юриспруденція, которая
должна дѣлать свои выводы путемъ наблюденія надъ дѣйстви-
тельною жизнью.

§ 2. Для того, чтобы правоспособное лицо сдѣлалось
субъектомъ права, необходимо съ его стороны осуществленіе этой
правоспособности, выражающееся въ фактѣ пріобрѣтеніи объекта
или предмета права. Такимъ образомъ, для понятія субъекта
права необходима наличность слѣдующихъ условій: 1) правоспо-
собное лицо, 2) объектъ права, 3) тотъ фактъ, съ которымъ
связана принадлежность права пѣлветному лицу. Ученіе пола въ самомъ фактѣ пріобрѣтенія объекта права весьма
часто можетъ имѣть чисто отрицательное значеніе, выражающееся
только въ отрицаніи этого факта. Но совсѣмъ другое значе-
ніе козучаетъ пола правоспособнаго лица, когда оно, при на-

личности и непринадлежности условий, въ действительности становятся субъектомъ права. Въ этомъ случаѣ воля лица действуетъ позитивно, наполняя содержаніемъ осуществленіе права; характеръ этого осуществленія опредѣляется въ каждый данный моментъ тѣмъ направленіемъ воли, которое получаетъ она со стороны своего источника — способнаго къ самоопредѣленію лица. Если существованіе субъекта права, какъ источника воли, исчезаетъ, прежде чѣмъ объектъ переданъ имъ въ распоряженіе другого лица, то право является безсубъектнымъ. Такое состояніе можно наблюдать только въ случаяхъ существованія такъ называемаго лекачаго послѣдства (*lebende Erbschaft, hereditas jactans*). Хотя для устранинія такого невыгоднаго для юридическаго бытія существованія безсубъектныхъ правъ, законодательства приписываютъ извѣстныя формы. Что-же касается той личности ииущественныхъ правъ, которая извѣстна подъ именемъ *Stiftungen (Universitas bonorum)*, то, какъ мы постараемся показать, такіа права волею самого субъекта переданы въ распоряженіе другого субъекта правъ — государства, какъ юридическаго лица ¹⁾.

I. *Stiftung* составляетъ та личность ииущественныхъ правъ, которая добровольно приносится первоначальнымъ имъ субъектомъ на служеніе определенной благотворительной цѣли.

¹⁾ Ограничивая сферу юридическихъ лицъ однимъ корпораціямъ — *Gesell.—Gesell.* Bd. II. § 118 стр. 62. *Parfiter Comm.* § 41. с. 62. См. также *Thibaut Syst.* § 190. 3. (*Erst. Aufl.*). У *Tallera—System d. bürgerl. Rechtslehre* и *Weyera—Natürl. Privatl.* § 158, вовсе не упоминаются юридическія лица изъ фактическа и юридическа.

Глосъ соединяетъ съ комплексомъ юридическаго лица представленіе о совокупности фактическихъ лицъ, соединившихся юридически для достиженія ииѣстныхъ законныхъ цѣлей и признанныхъ государствомъ за одно цѣло. Въ этомъ опредѣленіи довольно явственно видохраненъ имъ необходимый признакъ ииущества юридическаго лица. Въ немъ, съ одной стороны, отбрасывается представленіе о юридическомъ лицѣ, какъ о какомъ то фактическомъ, и его ииеніе призна-

Такая деятельность со стороны учредителя, согласованная с положительными задачами государственной деятельности, иногда составляет только инициативу основанія благотворительнаго учреждения, иногда же увеличивает сумму имущественных правъ уже существующаго учреждения. Деятельность учредителя (Stifter) въ обоихъ случаяхъ аналогична съ деятельностью капиталиста, отдающаго въ собственность свои имущественныя права предпринимателю для строго опредѣленной цѣли. Настоящимъ субъектомъ имущественныхъ правъ, въ данномъ случаѣ является не капиталистъ, отдавшій съ опредѣленнымъ назначеніемъ свои права, но предприниматель. Точно также субъектомъ того комплекса правъ, который составляетъ благотворительное учрежденіе, является не учредитель, а государство, располагающее правами, предоставленными ему въ собственность учредителемъ.

Наша въ своей совокупности фактическая жизнь, а съ другой стороны выражается необходимостью государственнаго признанія для того, чтобы фактическая совокупность фактическихъ лицъ была возведена на степень самостоятельнаго субъекта правъ, отличающаго по своей природѣ отъ тѣхъ индивидовъ, которые составляютъ его субстратъ. Намъ кажется, что воззрѣніе Угера—Bunten § 42 стр. 510, что въ дефиниціи Глинка не имѣетъ никакого отношенія отъ всѣхъ вовсе не убѣдительно, такъ какъ Глинка упоминаетъ на государственное признаніе совокупности фактическихъ лицъ, такъ на существовавшее условіе продолженія юридическаго лица. *Kleinste Gesellschaft* по мнѣнію Угера, тоже подходитъ подъ дефиницію Глинка, но это только съ точки зрѣнія. Подлинно правоспособность корпораціи (*seid*—собраннымъ юридическимъ лицомъ) и чисто историческое (эмпирическое) признаваніе товарищескаго союза—дѣло совершенно различнаго.

Глинка не возбуждаетъ также тѣхъ возраженій, какія дѣлаются ему Шейффера—Die Lehre v. d. jurist. Pers. § 7 стр. 21. Шейффера видна въ дефиниціи Глинка большая неточность, выражающаяся во мнѣніи въ томъ, что онъ исключаетъ изъ сферы юридическаго лица благотворительнаго учрежденія, а во вторыхъ, что онъ сблизилъ два совершенно различныхъ понятія—правовое единство (*rechtliche Einheit*) и юридическое лицо. При этомъ Шейфферъ разсуждаетъ, что даже римское право предусматриваетъ много такихъ правоспособныхъ, въ которыхъ существовало сличеніе нѣсколькихъ фактическихъ лицъ, такъ что одно лицо заступало мѣсто другихъ, такъ это можно наблюдать въ отноше-

Влутчли¹⁾ объявляет волю завѣщателя организаторомъ учрежденія, такъ что, во его мнѣніи, та личность имущая, которая составляетъ благотворительное учрежденіе, въ актѣ, выражающемъ *lex fundationis*, испытываетъ постоянное вліяніе воли *testis* субъекта, которому она принадлежала прежде. Но подобное объясненіе, во смотря на все его остроуміе, очевидно не можетъ считаться справедливымъ: воля завѣщателя, какъ бы она ясно ни была выражена и какъ бы подробно ни разрѣшала всѣхъ частныхъ въ устройствѣ учрежденія, не можетъ отрѣшиться отъ условій даннаго времени. Тѣ или другія задачи, составляющіе существенное содержаніе благотворительнаго учрежденія въ моментъ его основанія, могутъ измѣняться или и совершенно исчезнуть съ теченіемъ времени. Самъ Влутчли сознаетъ это, замѣчая что хотя воля учредителя оказываетъ рѣшительное вліяніе на устройство благотворительнаго учрежденія однакожъ, въ опредѣленности не включаетъ возможности измѣненія

нѣхъ семейныхъ и др.: но, продолжая отъ, никому изъ римлянъ не приходило въ голову считать такіа единымъ во юридическомъ актѣ.—Становится понятно, почему Профферъ желаетъ помѣсти подъ дефиницію Глукъ такіа отношенія, въ которыхъ одна личность, какъ бы инкорпорируется другой, существующей самостоятельное во всѣхъ отношеніяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, на которые указываетъ Профферъ термине *juristische* только нѣкоторые лица, а одно necessarily существовать самостоятельно, между тѣмъ какъ опредѣленіе Глукъ захватываетъ такіа случаи фактическихъ лицъ, которое, обладая всѣми свойствами лица, возмодна государственна на степені самостоятельного субъекта права. Такая совокупность существуетъ одновременно отдѣльно и одновременно отъ составляющихъ ее членовъ.

Ресурты—*Civil. Arch.* Bd. X. 321 говоритъ благотворительныя учрежденія принадлежатъ корпю. См. также—*Bruttz—Kritik* 1. 8. 153 и *Wallerstein—Leitfaden* 1. § 63 (Einf. Aufl.) Ресурты признаетъ также за *hereditas* *juris* свободнаго юридическаго лица.

¹⁾ *Deutsches Privatrecht* стр. 105. Какъ слово и рѣшительное выражаетъ мысль Влутчли.—Целомыслие—*Begriff* стр. 73; во его мнѣніи воля учредителя является субъектомъ того комплекса правъ, который образуетъ благотворительное учрежденіе.

устаны учрежденія или же и его полное упраздненія, если это впоследствии окажется необходимымъ. Эти случаи измѣненія устаны, по мнѣнію Влунтцли, возможно подвести подъ слѣдующія рубрики: 1) если выполненіе цѣли благотворительнаго заведенія оказывается невозможнымъ, напр. религіозныя учрежденія по всеобщей перемѣнѣ убѣжденій, но только измѣняютъ свои устаны, но и возмѣ упраздняются; 2) если цѣль благотворительнаго заведенія не можетъ выполняться только въ известномъ направленіи, то является необходимость измѣненія устаны; наконецъ, 3) измѣненіе статута учрежденія можетъ явиться желательнымъ съ цѣлью или техническаго усовершенствованія.

Съ другой стороны, тѣ органы административнаго управленія благотворительныхъ учрежденій, которыхъ Влунтцли называетъ *Vergaltter und Vertreter*, будучи поставлены въ необходимость выйти изъ опредѣленной для нихъ сферы дѣятельности въ случаяхъ имущественнаго употребленія, должны стать или въ положеніи настоящихъ субъектовъ, или же обращаться за опредѣленіемъ новой сферы къ общественной власти, какъ настоящему хозяину за вѣнчиваніемъ болѣе близкаго субъекта имущественныхъ правъ учрежденія. Вслѣдствіе всего этого, нельзя, рассматривать благотворительное учрежденіе какъ объектъ, на которомъ постоянно тяготеетъ какъ бы разъ и всегда выраженный воли субъекта—учредителя и должна наличность имущества пріуроченная къ опредѣленной цѣли хотя бы оставленная частнымъ лицамъ, должна тотчасъ же войти въ составъ государственныхъ имуществъ, а вслѣдствіе этого государство должно являться и организаторомъ всякаго благотворительнаго заведенія въ силу своихъ правъ, но началу частной принадлежности имущества государству, какъ юридическому лицу, и во въ силу его вѣннаго контроля¹⁾.

¹⁾ По мнѣнію Пфойфера недостаточно одной только воли учредителя для образованія благотворительнаго учрежденія, а для этого необходимо еще узн-

Такимъ образомъ, та личность имущая, за которой господствующая теорія признаетъ свойства юридическаго лица, ни въ какомъ случаѣ съ строго логической точки зрѣнія не можетъ быть приписана къ понятію самостоятельнаго субъекта правоотношеній. Никто другой, какъ только государство является въ этихъ случаяхъ носителемъ имущественныхъ правъ, ибо то главнѣйшее качество, которое опредѣляетъ величато субъекта возможность свободного распоряженія имущественными правами можно приписать лишь одному государству; всѣ же другія, существующія въ благотворительномъ учрежденіи органы, напоса бы ни была нтъ наущаяся самостоятельности, суть не болѣе, какъ представители отъ государства.

Государство, слѣдовательно, также во всѣхъ означенныхъ представляетъ большину, босадѣльну или другое какое либо благотворительное учрежденіе, какъ и судебную палату или полицейское управленіе. Внутреннее устройство самаго учрежденія не производитъ еще самостоятельнаго субъекта правоотношеній. Все равно раздѣляются ли дѣла въ томъ или другомъ государственномъ учрежденіи коллегіально или единолично. Наконецъ, можно положительно утверждать, что даже всѣ формальныя признаки природы юридическаго лица, которыми бы окружило себя извѣстное благотворительное заведеніе, создадутъ для него возможности называться юридическимъ лицомъ или самостоятельнымъ субъектомъ правоотношеній.

Достиженіе благотворительныхъ цѣлей можетъ быть обста-

дствіе государственной власти; хотя Пфейферъ выставляетъ совершенно другой мотивъ этого участія; признавая благотворительныя заведенія за юридическія лица (unverkannte Personen) онъ и основываетъ въ этихъ случаяхъ участіе государства тѣмъ соображеніемъ, что только одно государство можетъ возвести учрежденіе на ступень самостоятельнаго субъекта права или юридическаго лица. Pfeifer die Lehre v. d. jurist. Personen стр. 131 см. также Saligay—System d. h. v. Recht: II. 3. Также смогрѣть в Fuchs System I. § 44.

мство съ матеріальной стороны различными образомъ: оно можетъ производиться или путемъ ежегодныхъ опредѣленныхъ ассигновокъ со стороны государства или же путемъ эксплуатаціи постоянныхъ фондовъ, составляющихъ имущественное обоснованіе даннаго учрежденія. Въ первомъ случаѣ не можетъ быть никакого повода считать то или другое учрежденіе юридическимъ лицомъ, такъ какъ существуетъ неразрывное постоянное связь между этимъ учрежденіемъ и государствомъ, какъ субъектомъ имущественныхъ средствъ, составляющихъ основу изведенія. Совсѣмъ другое мы наблюдаемъ въ томъ случаѣ, когда благотворительныя учрежденія являются какъ бы самостоятельное существующая наличность имущества. Способы эксплуатаціи и употребленія этого имущества составляютъ замѣчательный признакъ считать его за юридическое лицо. Но такъ кажется только съ перваго взгляда. Тѣ разъ навсегда опредѣленные формы имущественнаго употребленія, которыя очень твердо поставлены государственною властью, близко подходятъ подъ понятіе государственныхъ имуществъ; они слѣдовательно, только назначены на покрытие расходовъ известнаго благотворительнаго учрежденія вместо ежегодныхъ ассигновокъ со стороны государства. На сколько удовлетворительна такая форма содержанія учреждений это вопросъ другого рода. Слабость государственной инициативы въ дѣлѣ основанія и обеспеченія благотворительныхъ учреждений обуславливается самыми разнообразными причинами, иногда находящими для себя объясненія или въ известномъ моментѣ историческаго роста государства или же, наконецъ, въ самой природѣ учрежденія. Основаніе благотворительныхъ заведеній подъ влияніемъ частной инициативы составляетъ въ столько обыкновенное явленіе, что самое названіе ихъ по нѣмецки выражается словомъ *Stiftungen*, означая установленіе образованное путемъ частной благотворительности.

Такой способъ происхожденія *Stiftungen* далъ поводъ

считать изъясненіе воли зашщителя исходящимъ монументъ существованія самого учрежденія. Многіе писатели считаютъ неудобнымъ или, по крайней мѣрѣ, безразличнымъ признаніе со стороны государства существованіе всякаго благотворительнаго заведенія, образуемагого благодаря наличности всѣхъ необходимыхъ условий — воли зашщителя и нужныхъ матеріальныхъ средствъ ¹⁾).

Но если и нельзя подкрѣпить необходимости государственнаго признанія для вѣстнаго учрежденія исключительно соображеніями полноты его или вреда для общества, за то вопросы касательно организаціи и способовъ употребленія наличности имущества, назначенной для благотворительнаго учрежденія, должны составить главное основаніе требованія вѣстнаго участія государства при установленіи всякихъ заведеній преслѣдующихъ благотворительныя цѣли.

Это требованіе истекаетъ логически изъ того соображенія, что всякое имущество не принадлежащее опредѣленному лицу, но назначенное для организическаго служенія тѣмъ или другимъ должнымъ обществу цѣлямъ, составляетъ принадлежность государства, какъ юридическаго лица, и, притомъ не началомъ частной собственности, а по и силу только вышшаго его суверенитета.

Трудность признанія за благотворительными учрежденіями свойствъ юридическаго лица была сознаваема весьма многими писателями (см. прикѣчаніе 1, страница 21).

Реміръ ²⁾ изъ писателей начала XIX вѣка положительно отказывался считать юридическими лицами эти учрежденія; онъ рассматриваетъ имущество благотворительныхъ заведеній, какъ принадлежность церкви и едва ли его мысли можно исключительно основывать только на одномъ контролѣ, по-

¹⁾ Arndt.—Pandecten § 44.

Müntzschl.—Deutsch. Privatr. § 45.

²⁾ Archiv für christlich. Praxis. X № 13. p. 322.

терій нікіла церкви надъ этикі послѣдніни. Замѣчанія Росгирта подверглись болыиимъ нападкамъ со стороны ученыхъ; его мнѣя показались странноу Савияни ¹⁾, Пухтъ ²⁾, Гоману ³⁾, Вахтеру ⁴⁾ и Уигеру ⁵⁾; но съ особеннымъ пристрастиемъ отнеслись къ нему Мюленбрухъ ⁶⁾ и Пфейфери ⁷⁾.

Навѣрно, конечно, согласиться съ Росгиртомъ, что благотворительныя установленія обладаютъ фондами, принадлежащими на правахъ собственности церкви потому, что этой послѣдней были представляють въ силу особенныхъ историческихъ условий государствомъ контроль надъ всѣми благотворительными учрежденіями; но за то нельзя не сознаться, что Росгиртъ очень хорошо понималъ внутренній характеръ этихъ установлений ихъ общественную роль въ отношеніяхъ эксплуатаціи имущества. Хотя онъ и не выставилъ настоящаго субъекта, котораго слѣдуетъ считать обладателемъ имущественныхъ правъ учреждений—государства. Въ замѣчаніяхъ Пфейфера, направленныхъ къ доказательству свойства юридическаго лица въ благотворительныхъ установленіяхъ, кромѣ полемики противъ Росгирта, основанной, главнымъ образомъ, на соображеніяхъ о существованіи и такихъ благотворительныхъ установлений, которыя никогда не находились въ зависимости отъ церкви (*familienstiftungen*) мы не встрѣчаемъ другихъ основаній. Но нельзя не поставить въ упоръ Пфейферу, что онъ ограничился однимъ только римскимъ законодательствомъ при чисто теоретическомъ разсмотрѣніи этого важ-

¹⁾ System II. 202.

²⁾ Lehrb. § 95.

³⁾ Vorlesungen § 97.

⁴⁾ Hand. II. 208.

⁵⁾ System I. 44.

⁶⁾ Mühlenbruch in glöck. Kechen. 46.

⁷⁾ Lehr. v. d. jurist. Person. 125. § 42.

ного вопроса. Законодательство не должно служить непреклонным источником для вывода правящих принциповъ, а, напротивъ, оно само рождается, въ тѣхъ руководящихъ началахъ, которыя дается ему одною только наукой права. Самое, хотя и весьма неудачное, раздѣленіе Пфейфера благотворительныхъ учрежденій, какъ юридическихъ лицъ, на публичныя, частныя и сѣшнаныя, показываетъ, что и онъ, не смотря на все свое воззрѣніе сознаніе ту неразрывную связь, которая существуетъ между дѣятельностью государства и тѣми цѣлями, къ которымъ приурочена та или другая наличность индивидуумовъ, о крайней мѣрѣ это сознаніе несомнѣнно проглядываетъ въ допущеніи тѣхъ учрежденій которыя отнесены Пфейферомъ къ разряду публичныхъ ¹⁾. Тѣмъ замѣривъ мы встрѣчаемъ у Гёшена *Verlesung u. d. g. Civilr. 1. § 62*, Милленбруха *Pandactioner 1 § 199* и Унгера *Syst. 1. § 44*.

Признаки, которые дали основаніе считать благотворительныя учрежденія за самостоятельныхъ субъектовъ правъ, образовались исторически. Послѣ торжества христіанства, благотворительныя учрежденія, удовлетворяя основнымъ принципамъ новаго ученія, пріобрѣли очень твердое основаніе для своего постоянного расширенія. Въ періодъ же язычества у

¹⁾ Eine öffentliche Stiftung ist diejenige, welche gleiche Zwecke mit dem Staate oder einer öffentlichen Körperschaft verfolgt ihr Gegenstand; ist die Privatstiftung, und gemischte Stiftung ist eine solche, welche theils Zwecke des Staates oder einer öffentlichen Körperschaft, theils solche Zwecke hat, welche die Thätigkeit des Staates oder der öffentlichen Körperschaft nicht berühren. *Lehr. v. d. jur. Pers. § 43*. Такое же раздѣленіе благотворительныхъ учрежденій встрѣчаемъ у Баутца—*deutsch. Privatr. § 45*. Послѣдній наставилъ въ публичныя установленія, какъ юридическія лица, отнесенъ и должности Аемтар, находящіеся въ государствѣ или же въ учрежденіяхъ общественныхъ.

Однаково же у Баутца нѣтъ установленія Мауренбруха—*Lehrbuch des deutschen Privatr. p. 246*; онъ относитъ къ юридическимъ лицамъ государственныя и церковныя должности, присоединяя къ нимъ еще сирѣчь того

римлянъ мы не встрѣчаемъ особеннаго обилія даже учреждений, прослѣдующихъ религіозныя цѣли. Древнее римское право ставило большія преграды частной благотворительности какъ въ цѣлостныхъ основаніяхъ рѣа сограаа тѣмъ, что требовала очень легкой опредѣленности субъекта, которому бы можно было отнестъ имущество путемъ завѣщанія; такъ что если бы завѣщатель назначилъ свое имущество бѣднымъ въ видъ неопредѣленной совокупности, то такое завѣщаніе, пиѣщее въ виду *inocerta personae* считалось бы не действительнымъ. Вслѣдствіе этого въ древнее право у римлянъ мы встрѣчаемъ религіозныя и, вообще благотворительныя учрежденія, обеспечиваемыя постоянными ассигновками имущественныхъ средствъ изъ государственныхъ каассъ; хотя есть основаніе предполагать и у римлянъ существованіе такихъ имущественныхъ фондовъ, которыя, составляя принадлежность государства или даже города, покрывала расходы культа. Съ введеніемъ христіанства открылась широкая дверь для частной благотворительности. Люди, желая прослѣдовать цѣли благочестія, сѣмѣли выказывать свое религіозное настроеніе въ формѣ большихъ денежныхъ пожертвованій. Сами Императоры поощряли добровольныя приношенія такихъ дѣла благочестія (вспомните огромное пожертвованіе Траяна въ пользу бѣдныхъ семействъ въ Италіи) и для того, чтобы доставить своимъ подданнымъ обязательныя формы удовлетворенія религіозному энтузіазму, позволяли прилагать частныя пожертвованія къ отдѣль-

примѣломъ (*Verenigen*) Соединенные лаванды, которыя поддерживаются иѣмѣніи Мауренбурга со стороны Пфейфера, въ возмѣду отнесенія веранъ ученымъ въ юридическія лаванды дознностей, въ одинаковой степени отнесенія также и въ Ваунгау. Сосершенно вѣрно замѣчаніе Пфейфера, что если считать государственныя и общественыя должности за юридическія лица только потому, что они являются постоянными органами управленія, не считая въ замѣненіа представляющихъ эти органы физическихъ лицъ, то возмѣду не не считать за юридическое лице кулическаго бухгалтера, вѣду онъ также выражаетъ названіе постоянной должности?

но существующимъ учрежденіямъ, Валентинианъ III и Юстинианъ обставили всѣми юридическими удобствами исполненіе воли завѣщателя, направленной въ пользу тѣхъ или другихъ благотворительныхъ учреждений. Въ такомъ же точномъ духѣ дѣйствуетъ и каноническое право. Оно только распространило въ высшей степени церковный контроль надъ всѣми благотворительными учрежденіями. Всѣми этими обстоятельствами объясняется, какимъ образомъ была разорвана та связь, которая соединяетъ такую наличность имущества, приуроченную къ опредѣленнымъ цѣлямъ, съ государствомъ, какъ ее субъектъ.

II. Кому же принадлежитъ тотъ комплексъ правъ и обязанностей, который извѣстенъ у римлянъ подъ именемъ *hereditas jaceas*. Едва-ли можно согласиться съ тѣмъ ученіемъ, которое признаетъ свойства юридического лица за лежащимъ наслѣдствомъ. Римское право не считали *hereditas jaceas* за юридическое лицо. По объясненію Сампелы (*Syst.* II. § СII.) главнымъ основаніемъ, по которому *hereditas jaceas* стали считать за юридическое лицо является одинъ только Флорентинъ въ достаткѣ¹⁾, который, повидимому устанавливаетъ полную аналогію между лежащимъ наслѣдствомъ и корпораціей, муниципіей или, вообще, юридическимъ лицомъ. Но этотъ же писатель даетъ и объясненіе внутренняго смысла приведеннаго отрывка Флорентина: „римляне говорятъ оцѣ, считали право наслѣдованія начинающимся съ самаго момента смерти наслѣдодателя, такъ что

¹⁾ L. 22, de fidejuss. (XLVI. 1) Mortuo res promittendi et ante aditam hereditatem fidejussor accipi potest: quia hereditas personae vice fungitur, sicuti municipium, et decuria, et collegia.

В Саксоніи въ доказательство того, что римляне не считали *hereditas jaceas* за юридическое лицо привелъ одинъ авторъ.—Omnia facta jura heredum perinde habentur, ac si continuo sub tempore mortis heredes existissent—Omnia heredis quaevis postea advenit, tamen cum tempore mortis continuatur. *Syst.* II. § СII.

съ этого времени наследство переходило непосредственно отъ наследодателя къ наследнику; и если некоторые толки римскаго права смотрятъ на лежащее наследство, какъ на имущество какъ-бы не принадлежащее финансовому лицу, то это надо понимать въ смыслѣ отсутствія только опредѣленнаго лица, какъ субъектъ; такъ что, слѣдовательно, со времени смерти наследодателя до принятія наследства имѣется наследникъ, только его въ данномъ случаѣ нельзя опредѣлить, и если бы въ такихъ случаяхъ былъ назначенъ опекунъ, то онъ и явился бы представителемъ того непосредственнаго, но въ дѣйствительности существующаго лица, которое должно въслѣдствіи сдѣлаться уже действительнымъ субъектомъ имущества. Римское право, хотя положительно и не запрещало назначенія опекуновъ для hereditas jaceas, но и не требовало надобнаго назначенія, и всѣ почти его источники носятъ на себѣ характеръ такого безразличнаго отношенія къ назначенію опекуновъ. Однакожъ, продолжая Савиньи, если бы даже опекунъ и былъ необходимъ для hereditas jaceas, то изъ этого никакъ нельзя было бы заключить, что римское право считало это послѣднее за юридическое лицо. Назначеніе опекуна у римлянъ допускалось и къ имуществу отсутствующаго лица и, конечно, безъ всякаго возведенія этого имущества на степенъ юридического лица. Опекунъ во всѣхъ такихъ случаяхъ являлся представителемъ не самою наличности имущества, возведеннаго на степенъ фиктивныхъ лицъ, а лицъ, въ дѣйствительности существующихъ“.

И такъ, по истинѣ Савиньи римское право по считало hereditas jaceas за юридическое лицо. Если же и попадаются отрывки, говорящіе о противномъ (какъ напр. отрывокъ Флорентина) то ихъ, по весьма остроумному замѣчанію Савиньи, нужно объяснить сходствомъ одного признака юридическихъ лицъ и hereditas jaceas—фикціей, приписанной къ обоимъ случаямъ “...и съ совершенно различными основаніями: юриди-

ческое лицо представляется само по себе понятие о фактивности субъекта правоотношений, а *hereditas jaseus*, согласно духу строгого *jus civile*, только из некоторых правоотношений до принятия наследства фактивно отражает на себя личность умершего наследодателя ¹⁾. Что же касается тех мнений из памятников римского права, которые повидимому приписывают акт содействия юридического лица получению наследства, то, по мнению Савинья, они находят себе объяснение в желании представить наиболее образно выразившуюся личность наследодателя, какъ это и видно изъ слѣдующаго мѣста источника—*quia creditum est hereditatem dominam esse et defuncti locum obtinere*. Самое же дѣйствительное доказательство того, что римское право не считало *hereditas jaseus* за юридическое лицо, представляетъ обстоятельство, что получное наследство у римлян не являлось самостоятельным носителемъ правъ; оно, напр., не могло ни закладывать, ни получать отказовъ.

Изъ особенныхъ стараній нельзя опровергнуть положенія, высказаннаго Савинья, изъ писателей первой половины XIX ст. Пфайферъ ²⁾, а изъ новѣйшихъ Вринцъ ³⁾. Пфайферъ выходитъ изъ того положенія, что оставшееся послѣ смерти наследодателя имущество, по причинѣ крайней неопредѣленности личности наследника, должно стать юридическимъ лицомъ, чтобы не быть вовсе безубыточнымъ. Такое именно воззрѣнiе на *hereditas jaseus*, говорятъ Пфайферъ, и было извѣстно римскому праву. Оно принималось всѣми почти цивилистами до тѣхъ поръ, пока не выразили своего мнѣнiя на этотъ предметъ Савинья. Но Пфайферъ не хочетъ согласиться ни съ однимъ изъ доводовъ Савинья; онъ говоритъ, что даже основная точка зрѣнiя Савинья на этотъ

¹⁾ Hinderlich sei die Unbekanntheit des Erben gar bei dem Erwerb durch Erbschaftsklägen gewesen. Savigny Syst. II. § 68.

²⁾ Die Lehre. v. d. j. Pers. § 50.

³⁾ Pandekten. § 155 II.

предметъ несправна, ибо онъ слишкомъ расширяетъ понятіе о будущахъ наследникѣ, выставляя его только неизбѣстнѣе въ данное время лицамъ, но не желая согласиться, что иногда эта неизбѣстность, можетъ перейти и въ полное отсутствіе наследника ¹⁾.

Но едва ли можно придавать замѣчанію Пфейфера какое либо серьезное значеніе: Пфейферъ, очевидно не предполагая, что наследство, какъ совокупность правъ и обязательствъ, не можетъ не имѣть для себя наследника; при отсутствіи частныхъ лицъ, имѣющихъ право притязанія на полученіе наследства, наследникомъ является государство, какъ юридическое лицо.

Вринцъ приписываетъ источникамъ совершенно другой взглядъ на природу *hereditas jacens*, чѣмъ тотъ, который выразилъ Савиньи ²⁾. Основываясь преимущественно на извѣстномъ уже намъ отрывкѣ (*quia creditum est, hereditatem dominam esse et defuncti locum obtinere*), объясняномъ такъ остроумно Савиньи, онъ по-ложительно утверждаетъ, что римское право ставило *hereditas jacens* въ роль самостоятельнаго субъекта, какъ это особенно ясно высказывалось напр. въ случаяхъ *stipulatio*. Но въ то же время Вринцъ высказываетъ, что *hereditas jacens*, имѣя такое значеніе, никогда не возводилось у римлянъ фактивно на степень лица. Подобная непослѣдовательность падаетъ, впрочемъ, собъ объясненіе въ особомъ взглядѣ Вринца на самую самостоятельную существующую наличность правъ, относящуюся къ случаямъ *Zweckvermögen*. Хотя, Вринцъ никакъ не могъ подвести *hereditas jacens* подъ понятіе *Zweckvermögen*, такъ какъ къ нему не прилагается основной при-

¹⁾ Это самое замечаніе изъ 4-го изданія Пфейфера; остальные не заслуживаютъ вниманія.

²⁾ Uechnaupt nicht die Vorstellung, als ob irgend ein Subject die *hereditas jacens* habe, sondern nur die Vorstellung, dass die *hereditas jacens* anstatt eines Subjects, einer Person sei—domini locum tenet. Paul. 605.

знакъ этого рода имущества—назначеніе служить своимъ употребленіемъ определенной цѣли¹⁾).

Разсмотрѣвъ взгляды цивилистовъ на *hereditas jacens* нельзя придти къ тому заключенію, къ которому приходитъ Араджъ (Pand. § 465 imp. 2), что она не согласна между собою только относительно частностей занимающаго мѣстъ въ настоящее время вопроса. Какъ ни видѣли ученые во своимъ воззрѣніемъ на природу *hereditas jacens* раздѣляются на нѣсколько группъ. И во всякомъ случаѣ нельзя никакъ согласить мнѣніе напр. Иеринга, считающаго *hereditas jacens* за самостоятельный субъектъ или, что тоже, за юридическое лицо, съ мнѣніемъ не только Савинья, отрицающаго юридическую личность какаго нибудь предмета, но даже съ мнѣніемъ Шерра (см. примѣч. 1). Съ нашей точки зрѣнія наибольшую натяжку дѣлаетъ Бринцъ, объясняя свойства *hereditas jacens*. Онъ, строго говоря, не даетъ опредѣленнаго объясненія по поводу того, какъ смотрѣло римское право на лежащее наследство. Если же мы пріймемъ взглядъ Савинья, тогда, на основаніи его остроумныхъ объясненій, намъ стигнутъ понятны даже тѣ противорѣчивые мѣста въ источникахъ римскаго права, которыя, то не считаютъ *hereditas jacens* за

¹⁾ До какой степени разнообразны взгляды ученыхъ на природу *hereditas jacens* можно видѣть изъ изслѣдованныхъ мнѣній:

Гунтера (сѣм. Erb. s. 110.), Мелленбруха (Fert. 141.), Нерпера (ibid. s. 213.) Вокера (Erb. II. 11.) и Савинья (Pract. Obstr. III. 319)—считаютъ *hereditas jacens* самостоятельнымъ субъектомъ, возмѣщая отъ посторонней личности и ее представляя (Наслѣднее мнѣніе Нерпера о hered. jac. см. изъдѣе f. Degen. X. 416). Пухта Pand. § 466 возмѣщаетъ личность умершаго въ моментъ *hereditas jacens*—Das hinterlassene Vermögen selbst also trägt eine Persönlichkeit in sich, und diese ist die fingirte des Verstorbenen. Такъ смотритъ Шерръ—Beitr. 1. S. 3. Die Erbschaft ist von ein Vermögen mit einem fingirten Subject. Гоффера—Comm. § 542. Гоффера Arch. f. civil. prof. X. 320. Мейера—Erbschaft s. 2. Зейфера Pand. § 50.

Позитивизмъ въ пониманіи *hereditas jacens*, какъ юридическаго лица, является Коингеа сиренъ въ своемъ соч.—Diss. inaug. de natura hereditatis nondum editae 1820 г., а, мнѣніе въ соч. 1836 г. das Erbrecht.

самостоятельный субъектъ правъ, то признавають къ нему по-
ложитіе о личности умершаго наследодателя.

И такъ, по мѣтѣмъ Савинья, еще римское право хо-
рошо сознало тѣ начала, которыя выражены въ вѣнскихъ
законодательствахъ въ афоризматъ—*Le mort saisit le vif* и *der
Todte erbt den Lebendigen*. Слѣдовательно, положеніе, высказы-
ваемое нами выше, что законодательства издавна указывали жи-
вымъ, реальнымъ и самобытнымъ субъектамъ тому комплексу
правъ и обязанностей, который составляетъ не принятое на-
следство, находятъ полное подтвержденіе и у Савинья.

§ 3. Корпорация (въ смыслѣ *gesellschaftlich anerkannte universi-
tates personatum*) представляется исключительнымъ видомъ юри-
дическаго лица. Субстратъ корпораций, какъ юридическаго лица,
составляютъ физическія лица. Нѣтъ надобности, подобно Ци-
тольману (*Begriff* § 36 и 37), искать метафизическихъ основаній
для объясненія свойства корпораций, какъ самостоятельнаго лица.
Въ корпорацийъ объединены не воли ея членовъ, какъ это пы-
тается доказать Цитольманъ¹⁾, а источникъ этой воли—физиче-
скія лица, способныя къ самоопредѣленію и связанные созна-
ніемъ одной цѣли, какъ задачи существованія самаго союза.
Такой союзъ физическихъ лицъ представляетъ собой аппаратъ, выра-
жающій и направляющій единую волю къ достиженію общихъ цѣлей.
Но воля юридическаго лица подобно тому, какъ и воля физи-
ческаго лица выражаетъ собой только постепенную связь субъ-
екта съ его предметъ, какъ средствомъ достиженія цѣлей. Напра-
вленіе ея въ каждый данный моментъ опредѣляется ея самобыт-
нымъ источникомъ.

Для понятія корпораций, какъ юридическаго лица, не-
обходимо, слѣдовательно, существованіе союза физическихъ

¹⁾ Das Substrat der Corporation sind nicht einzelne Menschen—vielmehr
werden nur die Willen der Corporationsglieder gesamt.

лицъ, единства воли этого союза и правъ, составляющихъ принадлежность союза, какъ отдѣльной единицы.

Но спрашивается, какъ возникнуть самый субстратъ корпораціи? Намъ кажется, что для понятія корпораціи поущенно обстоятельство, какъ возникнуть та или другая universitas personarum: представляется ли она собою естественнымъ или бытовымъ союзомъ (Staat, Gemeinden), или она образовывается произвольно физическими лицами (gewillkürliche Einheiten—Gesellschaften). Это чисто формальное различіе: и бытовые союзы сформированы волею членовъ, хотя, правда, въ нихъ она выражается отрицательно—только въ смыслѣ неоставленія союза. Для понятія корпораціи важнымъ является не то обстоятельство—произвольно или не произвольно образовался союзъ, но то—какую организацію принять этотъ союзъ и можетъ ли онъ имѣть свойства, необходимыя для понятія личности—быть самостоятельнымъ источникомъ правотѣрной воли. Если физическія лица соединяются для достиженія извѣстныхъ цѣлей такъ, что каждое изъ нихъ опирается на силу своей правоспособности, непосредственно или посредственно приобретае и уступаетъ ей лично принадлежащіе права, то они не образуютъ корпораціи, а только товарищество. Для понятія корпораціи, какъ юридическаго лица, необходимо признаніе государствомъ за отдѣльное лицо союзъ физическихъ лицъ, образованныхъ для достиженія цѣлей, равно интересовъ для каждаго члена, безъ отношенія къ его имущественному вкладу. Средняго понятія между корпораціей и товариществомъ допустить нельзя. Товарищества, признанныя государствомъ, какъ бы отдѣльными единицами (Corporative Societät) вовсе не представляются юридическими лицами,—ибо самое это признаваніе имѣетъ особый характеръ—воляріальнаго укрѣпленія¹⁾.

¹⁾ Сальковскій Bemerkungen. § 12.

Главнымъ критеріемъ при отличіи корпораціи и товарищества будетъ характеръ соединенія членовъ союза и отношеніе ихъ къ общей совокупности. Аренсъ¹⁾ на основаніи этого критеріа выводитъ три вида юридическихъ лицъ: къ первому виду слѣдуетъ, по его мнѣнію, отнести тѣ юридическія лица, которые представляются субъектами имущественныхъ правъ, какъ единицы, такъ что отдѣльные его члены не являются даже частично собственниками общаго имущества. Это слово въ римской unitas personarum. Второй видъ юридическихъ лицъ представляютъ тѣ общества, въ которыхъ отдѣльные члены являются собственниками общаго имущества по началу condominium'a. Это такія общества, за которыми нѣкоторые романисты и не признаютъ свойствъ юридическихъ лицъ, но которые, какъ замѣчаетъ Аренсъ, совершенно основательно считаются таковыми въ современной гражданской битѣ. Третій видъ юридическихъ лицъ представляетъ нѣкъ среднее понятіе между двумя первыми родами, такъ что, согласно этому понятію, субъектомъ правъ представляется отчасти совокупность лицъ, какъ отдѣльная единица, отчасти же образующіе юридическое лицо сочлены.

Трудно согласиться съ этимъ дѣленіемъ юридическихъ лицъ и признать за нимъ какое либо серьезное значеніе. Въ немъ особенно ясно выступаютъ на видъ смѣшеніе двухъ понятій юридическаго лица и фактическаго соединенія нѣсколькихъ физическихъ лицъ или товарищества. Между этими двумя понятіями, нѣкъ мы уже видѣли, лежитъ глубокая разница. Та совокупность физическихъ лицъ, которая составляетъ субстратъ юридическаго лица, всегда образовывается для достиженія цѣлей, совершенно одинаково интересныхъ для каждаго отдѣльнаго члена, притомъ, безъ всякаго отношенія къ его имущественнымъ вкладамъ. Цѣли, которыми преслѣдуетъ юридическое лицо требуютъ

для своего исполненія гораздо большой крѣпости въ организаціи института, чѣмъ та, какую представляють намъ товарищества, хотя бы самыхъ совершенныхъ формъ. Наконецъ, въ отношеніи юридическихъ лицъ постоянно дѣйствуютъ принципы, очень ясно сформулированны еще въ римскомъ правѣ—полнаго отдѣленія имущественной сферы юридического лица, какъ единицы и отдѣльныхъ членовъ—*si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas—singuli debent*¹⁾). Такимъ внутреннимъ характеристическимъ признакомъ юридического лица. Они поставлены въ дѣйствительности очень твердо и ихъ нельзя измѣнить по произволу безъ существеннаго нарушенія природы юридического лица. Наконецъ, ихъ только съ большою натяжкой можно перенести на другія фактическія соединенія лицъ и, притомъ, не безъ вредныхъ послѣдствій для юридического существованія самихъ институтовъ. Организация всякаго учрежденія должна находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ его фактической природой; если же это условіе не будетъ выдержано, то какъ бы ни была совершенна эта организація и какъ бы съ виду ни прилаживалась къ самому учрежденію, она въ своемъ примѣненіи непремѣнно оставитъ такіе пробѣлы, которые, не смотря на свое кажущееся отсутствіе, вредно повліяютъ на судьбу института.

Каковъ же тѣ основанія, которыя заставляютъ многихъ ученыхъ и нѣкоторые законодательства приравнивать понятіе юридического лица въ товариществахъ и, вмѣстѣ съ этимъ, надѣлать ихъ соотвѣтственной организаціей? Ихъ съ особенною ясностью можно наблюдать въ книгѣ Вулциани²⁾—Германское частное право. Для того, чтобы товарищество возмѣнилось до понятія юридического лица, необходимо ему имѣть, говоритъ Вулцани, слѣдующіе признаки—имущество, общую волю и органы для вы-

¹⁾ Ulpian. in L. 7. § 1.

²⁾ Wuntschel—Deutsch. Privatrecht. 2. 87.

разномъ разннчнхъ опредѣленій и для представительства во внѣшнихъ юриднческихъ отношеніяхъ товарищества, какъ самостоятельнаго субъекта¹⁾. Особенно же подходить, по мнѣнію Баунтца, подъ понятіе юриднческихъ лицъ акціонерное товарищество (*Aktienvereine, Actiengesellschaften*), такъ какъ они имѣютъ все нужное для этого признаки: общія собранія акціонеровъ, рѣшающихъ дѣла по большинству голосовъ, правленія, директоровъ и агентовъ; они заключаютъ договоры съ третьими лицами, какъ отдѣльные субъекты (*als Ganzes*) такъ, что составляющее товарищество акціонеры въ этихъ договорахъ не принимаютъ на себя никакихъ обязательствъ, и, слѣдовательно, не фигурируютъ въ нихъ ни какъ кредиторы, ни какъ должники. Право взысканія по обязательствамъ также сосредоточивается въ рукахъ цѣлаго товарищества, а не отдѣльныхъ его членовъ; далѣе, въ общую конкурсную массу имущества при взысканіяхъ съ акціонернаго товарищества, поступаютъ не частныя имущества акціонеровъ, а только имущества, принадлежащія цѣлому товариществу, какъ отдѣльному субъекту. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Баунтца, всѣхъ этихъ признаковъ совершенно достаточно, чтобы согласиться, что характеръ акціонернаго товари-

¹⁾ Alle diese Genossenschaften (*Vereinigungsvereine*) sind juristische Personen, indem sie alle als ganzes Gesamtsubjecte organisiert sind, ein Vermögen haben, einen Gemeinwillen hervorbringen und mit rechtlicher Wirkung handeln, durch ihre Organe und Agenten klagen und als Ganzes beklagt werden können. Sie alle bestehen aber wieder aus einzelnen Genossen, die Theil haben an der Persönlichkeit und dem Recht des Ganzen. Bluntschli—D. Privatr. n. 57.

Баунтца, указывая эти признаки, замѣчаетъ нѣсколько и на то, что въ свое національное законодательство; по англійскому закону товарищество не признается отдѣльнымъ юридическимъ лицомъ, независимо отъ лицъ физическихъ, изъ которыхъ оно состоитъ; въ гражданскихъ дѣлахъ и процессѣхъ всѣ члены товарищества должны участвовать лично, какъ истцы или какъ ответчики; исключеніе дѣлается только для корпоративныхъ компаній, изъ которыхъ признается право вести дѣла черезъ доверенное лицо или; упомянутого автора—*Lindley's law of Partnership* d. 720.

щества, какъ юридическаго лица, высказывается въ слишкомъ легкихъ чертахъ, не смотря на то, что оно само составлено изъ отдѣльных имущественныхъ вкладовъ, принадлежащихъ на правѣ собственности отдѣльнымъ личностямъ.

Гдѣ же собственно тотъ главнѣйшій признакъ, на которомъ основывается Блунтшия природа юридическаго лица акціонерныхъ компаній? Въ его соображеніяхъ выведены, по этому поводу два факта или два характеристическіе признака—первый выражается въ органахъ, которые нѣтъ акціонерная компанія, какъ самостоятельный субъектъ права, второй заключается тѣмъ обстоятельствомъ, что имущественная сфера акціонерной компаніи строго отдѣляется отъ такой же сферы отдѣльныхъ членовъ. Но однимъ этими признаками далеко не исчерпывается природа юридическаго лица. Хотя, дѣйствительно, этотъ институтъ права во многихъ отношеніяхъ сходитъ съ акціонерной компаніей, но считать ихъ тождественными только на основаніи нѣкоторыхъ сходныхъ чертъ нѣтъ никакой возможности. Природа и свойства юридическаго лица, искусственно навязанныя товариществу, вродѣ отозвуча на юридической жизни этого послѣдняго; поэтому, тѣ презумпціи, которыми обставлено происхожденіе товарищества и его дѣятельность должны быть совершенно другія чѣмъ тѣ, которыя тагуются надъ юридическимъ лицомъ.

Къ юридическимъ лицамъ причисляютъ впрочѣмъ только товарищества, существующія на чужбинѣ или компаніи. По всему вѣроятію главнѣйшій основаніемъ такого сближенія служитъ приложимость къ обоемъ повѣстій римской формулы—*si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas, singuli debent*. Относительно полного товарищества этого сказать нельзя; здѣсь нѣтъ такого римскаго обособленія имущественныхъ сферъ компаній, какъ нѣлаго и отдѣльныхъ членовъ¹⁾. Этотъ признакъ говоритъ не столько

¹⁾ Исключеніе составляетъ командитная товарищества, существующія по римскому праву; но въ нихъ товарищъ во взаимныхъ отношеніяхъ не выступаетъ въ качествѣ члена.

убедительно, что исключать всякую возможность считать какое бы то ни было видъ полного товарищества за юридическое лицо. Однакожь, не смотря на это, Сальковский¹⁾ находитъ весьма несогласовательными тѣхъ ученыхъ которые считаютъ акціонерами компаній за юридическія лица и не подводятъ подъ это попятіе торговня товарищества. Главнѣйшѣ основаніемъ для вывода Сальковского служить въ этомъ случаѣ принципъ римскаго права, которое во общицѣ институту *societas* такихъ свойствъ и признаковъ, которое можно было бы перевести и приложить къ современнымъ торговымъ товариществамъ. *Societas* римскаго права образовывалась путемъ обязательственныхъ связей между несколькими лицами, которыми при этомъ во составляли одного цѣлаго въ отношеніи третьихъ лицъ, такъ что связь между контрагентами не шла далѣе внутреннихъ отношеній товарищескаго союза; что же касается внѣшнихъ правоотношеній, то здѣсь каждое единично членовъ или, вѣрнѣе, контрагентовъ раздѣлялось, и они выступали уже въ качествѣ совершенно самостоятельныхъ лицъ²⁾. Но далеко не такъва, говоритъ Сальковский, природа современныхъ торговыхъ товариществъ: въ нихъ достигается гораздо больше, чѣмъ въ римской *societas* единично членовъ, и они, постоу, являются въ гражданской жизни настоящими субъектами права, независимо отъ составляющихъ членовъ (*als Ganzes*). Это обстоятельство, съ точки зрѣнія Сальковского, кажется совершенно достаточнымъ для того, чтобы имѣть полное основаніе считать торговня товарищества за юридическія лица. При этомъ Сальковский желаетъ оставить такой способъ образования этихъ юридическихъ лицъ наиболее свободными условіями: оно не требуетъ для

¹⁾ Salikowski—Bemerkungen zur Lehre von den juristischen Personen S. 14. § 7.

²⁾ Близко, следовательно, подходитъ къ старому образу римской *societas* английское товарищеское сообще, которое, хотя въ процессуальномъ отношеніи, не представляется одиначными сторонами—Lindley's Law of Partnership d. 730.

ить происхожденія признанія со стороны государственной власти, такъ какъ, по его мнѣнью, торговля товарищества, какъ учрежденіе чрезвычайное древняго, путемъ обычая успѣла создать цѣлую систему правилъ, какъ необходимыхъ условій для ихъ образованія. Съ другой стороны по отношенію къ нимъ, при существованіи солидарной ответственности членовъ, вовсе не дѣйствуютъ предположенія о необходимости признанія ихъ государствомъ для предупрежденія возможности вреднаго съ ихъ стороны вліянія на гражданскія отношенія.

Уже гораздо болѣе натушу по поводу разъясненія юридическихъ свойствъ торговыхъ товариществъ дѣлаетъ Вундтман ¹⁾. Онъ замѣчаетъ, что хотя товарищество въ гражданскихъ отношеніяхъ и договорахъ является самостоятельнымъ контрагентомъ, но, однакоже дѣятельность его отличается отъ дѣятельности акціонерныхъ компаній, такъ какъ торговое товарищество, какъ отдѣльный субъектъ, совершаетъ гражданскія дѣйствія только на именяхъ степеняхъ (In erster Linie); по во всемъ такомъ дѣйствіи прослѣживается очень ясно ответственность отдѣльныхъ членовъ; такъ что, если члены торговаго товарищества или фирмы выдутъ изъ числа обратившись за удовлетвореніемъ своихъ претензій къ участникамъ товарищества, то они это могутъ дѣлать свободно.

Вслѣдствіе этого, замѣчаетъ Вундтман, современные торговые товарищества никогда не могутъ быть причислены къ юридическимъ лицамъ — *juridical persons*, хотя, съ другой стороны, они удаляются также и отъ понятія римской *societas*, гдѣ во вѣчныхъ правоотношеніяхъ наблюдалась множественность субъектовъ; они занимаютъ, такимъ образомъ, среднее мѣсто между двумя этими понятіями, представляя особый видъ современной *Genossenschaft*, гдѣ нѣтъ и абсолютнаго единенія членовъ и множественности субъектовъ ²⁾.

¹⁾ Deutsches Privatrecht. § 39.

²⁾ Baecker, Volkswirtschaft. 168. Впрочемъ выраженіе *Genossenschaft* это выраженіе Jolly, а не имя Угера (Syst. I. 830; и Zeit. f. d. XL. 819—Jolly) замѣчаетъ *Genossenschaft* и *gesellschaften mit collectiver Personlichkeit*. Хотя Угера считалъ ея за *societas*—Krit. Volkswirtschaft. VI. 169.

Нашъ кажутся странными подобныя мысли Блаутцля: въ сиконъ дѣлѣ, зачѣмъ говорить о какихъ-то новыхъ видахъ *gesellschaft*, куда можно причислять современныхъ торговыхъ компаній, и усматривать въ этихъ послѣднихъ какіе-то своеобразные признаки, если они свободно могутъ быть отнесены къ ряду *societas*, правда въ современной формѣ, нѣсколько удалившейся отъ римскаго образца. Хотя и самое различіе не идетъ особенно далеко, такъ какъ и въ отношеніи римской *societas* вопросъ о томъ, возникаютъ ли непосредственно и для товарищеской права и обязанности изъ сдѣлокъ, заключенныхъ однимъ изъ нѣтъ по товарищескимъ дѣламъ, разрешаются по началамъ, въ силу которыхъ подобное непосредственное пріобрѣтеніе правъ и обязанностей имѣетъ мѣсто, если товарищъ дѣйствовалъ въ качествѣ уполномоченнаго представителя отъ остальныхъ ¹⁾. Такойъ образомъ, строго говоря, римская *societas* тоже могла являться во внѣшнихъ правоотношеніяхъ самостоятельнымъ субъектомъ путяхъ представительства одного уполномоченнаго члена; такое представительство, какъ кажется, мало въ сущности отличается отъ представительства, наблюдаемаго въ современныхъ товариществахъ, а также и въ торговыхъ компаніяхъ, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ самыя фирмы есть ли что иное, какъ представительство, только конечно, болѣе организованное. Это сходство идетъ еще гораздо дальше, если обратить вниманіе, что въ таковыхъ товариществахъ возможность подписывать фирму обусловлена правомъ представительства; такое право, въ случаяхъ сомнѣнія, принадлежитъ каждому изъ товарищей, въ силу безоговорочнаго представительства ²⁾. Спрашивается послѣ всего этого, на что-же собственно сводятся тѣ признаки различія современного и римскаго товарищества ³⁾, о которыхъ такъ много толкуютъ Блаутцль и Сальерскій?

¹⁾ *Scoff. Arch.* XII. 68.

²⁾ *Thöl-Handels. Ld.* I. (8-te Aufl.) § 88 n. 44.

³⁾ *Gerber-Syst.* § 184. *Kierulff* (*Teor.* I. 134) и *Walker* (*Deutsch. F.* § 187) принимаютъ *peu de modificationes societas*.

Они, как мы видели, сподяся къ большому совершенству въ организациі представительства въ современныхъ товариществахъ. Но подобное различіе не существенно. Признаки совершенства, присоединенныя путемъ продолжительнаго развитія какого бы то ни было юридическаго института никогда не измѣняютъ сущности этого института. Слѣдовательно, во отношеніи къ природѣ товарищества-все равно выражается ли представительство въ лицѣ одного уполномоченнаго члена, или же въ лицѣ многихъ субъектовъ, образующихъ органъ товарищества съ опредѣленнымъ названіемъ фирмы. Внутреннія же отношенія членовъ римской и современной *societas* являлись иногда совершенно различными, но не измѣняютъ ея главныхъ свойствъ.

Все эти соображенія даютъ, такимъ образомъ, полную возможность не только не считать торговыхъ товариществъ за юридическія лица¹⁾, но также и не подводить ихъ подъ особый какой-то видъ современныхъ институтовъ права²⁾, а самое простое разрѣшеніе ихъ свойства выражается тогда, если мы станемъ смотрѣть на нихъ, какъ на видъ полнаго товарищества съ организованнѣмъ представительствомъ.

Гораздо труднѣе уловить признаки отличія акціонерной компаніи отъ юридическаго лица.

Въ литературѣ этого вопроса мы встрѣчаемъ много очень громкихъ именъ писателей, стоящихъ на сторонѣ признанія акціонерныхъ товариществъ за юридическія лица. Кромѣ Виндгейда³⁾, замѣчающаго только наклонность въ торговыхъ товариществахъ образоваться юридическое лицо, въ послѣднее время юридическую личность торговыхъ товариществъ, не особенно

¹⁾ *Samuelson's. Bemerk. § 7.*

²⁾ *Bayreuth. D. Private. § 88.*

³⁾ *Windscheid—Pand. III. 160.*

акціонернихъ компаній, отсталають—Геллик¹⁾, Салковскій²⁾, и Блуитчлі³⁾. Но за те на сторонѣ противникахъ этой теоріи мы видимъ Бринца⁴⁾ и Пфейфера⁵⁾.

Бринцъ особенно удачно наклоняетъ въ пользу своего мнѣнія тѣ статьи нѣмецкаго торговаго устава, которыя, по его мнѣнію, много способствовали образованію взгляда на акціонерныя компаніи, какъ на юридическія лица. Бринцъ не считаетъ за *Zweckvermögen* имущества промышленныхъ товариществъ вообще; онъ говоритъ что сама природа *Zweckvermögen* никакъ не можетъ быть согласована съ тѣмъ частичнымъ діленіемъ, которое испытываетъ имущество вышеназванныхъ компаній—отдѣльныя части такого имущества имѣютъ своихъ опредѣленныхъ субъектовъ (*Personenvermögen*). Однакожъ и, по мнѣнію Бринца, есть нѣкоторые общіе признаки обонихъ этихъ родовъ имущества; такими признаками являются во 1) органы, закрѣпляющіе юридическія отношенія имущества. 2) Крѣпость самой совокупности товарищескихъ имущества, такъ какъ разрушеніе этой совокупности стоитъ въ воли каждаго отдѣльнаго члена; наконецъ 3) та особенность (по крайней мѣрѣ относительно имущества нѣкоторыхъ родовъ промышленныхъ товариществъ), по которой ответственность за долги, сдѣланныя для удовлетворенія потребностей цѣлаго товарищества, падаетъ исключительно на общее товарищеское имущество, а не на каждаго члена. Относительно же имущества акціонерныхъ компаній Бринцъ прямо замѣчаетъ, что они никакъ образомъ не могутъ считаться *Zweckvermögen* (an und

¹⁾ Zeitschr. f. Handr. II. a.

²⁾ Bemerk. zur Lehre v. d. jurist. Personen. 57 a.

³⁾ Deutsch. Privatrecht § 39; особаго взгляда придерживается Thöl § 39. Handelsr. u. Bankw.—Zeitschr. f. H. VI. См. также Бонстра—Zeitschr. f. H. IV. и Россер—Zeitschr. f. H. IV.

⁴⁾ Brinz—Pandektenrecht. II. v. 1088.

⁵⁾ Pfeiffer-Lehr. v. d. j. Personen § 17.

für sich ist das Vermögen der Actiengesellschaften kein Zweckvermögen). Бринцъ считаетъ главнымъ основаніемъ того, что нѣкоторые нѣмецкіе писатели смотрятъ на акціонерную компанію, какъ на юридическое лицо, или съ его точки зрѣнія, какъ на Zweckvermögen, Нѣмецкій Торговый Уставъ. Это обстоятельство заставляетъ Бринца критически рассмотреть ссннительныя статьи названнаго устава: Ст. 213 Нѣмецкаго торговаго кодекса признаетъ за акціонерными компаніями самостоятельный субъектъ, которому принадлежатъ опредѣленное имущество, права и обязанности¹⁾; но въ той же статьѣ Бринцъ усматриваетъ большое противорѣчіе со статьей 216 того же кодекса, которая говоритъ, что каждому акціонеру принадлежитъ право собственности на опредѣленную часть въ общемъ товарищескомъ имуществѣ²⁾. Если попробовать, замѣчаетъ Бринцъ, согласить обѣ эти статьи, то надо тогда сказать, что статья 213 устанавливаетъ только административную самостоятельность общества, какъ отдѣльной единицы. Также ссннительнымъ характеромъ отличаются и статья 207 кодекса, устанавливающая самостоятельность товарищескаго имущества по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ³⁾; а также статья 237, по которой акціонерное товарищество представляется и съ процессуальной точки зрѣнія самостоятельнымъ субъектомъ, такъ, какъ жалобы и иски противъ общества обращаются къ представителямъ или органамъ товарищества, не касаясь отдѣльныхъ акціонеровъ. Смыслъ послѣднихъ статей позволяетъ думать, что субъектомъ товарищескаго имущества являются не отдѣльные вкладчики. Но, замѣчаетъ Бринцъ,

¹⁾ Als solche selbständig Rechte und Pflichten habend, Eigenthum und andere dingliche Rechte am Grundstücken erwerben Nat. 213 art.

²⁾ Jedem Actionär einen verhältnissmässigen Antheil an dem Vermögen der Gesellschaft zukommt.

³⁾ Wonach der Actionär sich nur mit Einlagen theilhaftig ohne persönlich für die Verbindlichkeiten der Gesellschaft zu haften.

хотя отдельный членъ товарищества и не представляется въ процессуальномъ отношеніи самостоятельнымъ субъектомъ своей части въ общемъ имуществѣ, хотя, вѣрнѣе, онъ и не можетъ быть представителемъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ имущественныхъ интересовъ цѣлой компаніи, но все это еще насколько не доказываетъ, что онъ, вѣрнѣе съ тѣмъ, не является полнымъ собственникомъ той части товарищескаго имущества, которая принадлежитъ ему по праву владѣнія акціей. Такія права акціонера проявляются во всей своей полнотѣ въ случаяхъ голосованія, въ отношеніяхъ контроля надъ дѣйствіями органовъ и представителей компаніи, который имѣетъ мѣсто въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ.—Характеръ Zweckvermögen въ имуществахъ акціонерныхъ товариществъ обнаруживается также и въ статьѣ 216 торговаго кодекса, которая говоритъ, что разъ сдѣланныя вклады не могутъ быть возвращены назадъ, такъ какъ они предназначены для достиженія определенной цѣли¹⁾. По мнѣнію Бринна и въ этой статьѣ нельзя видѣть установленія полного сходства имущества акціонерныхъ компаній съ Zweckvermögen, такъ какъ вкладъ каждого товарища не является для него совершенно безотзывнымъ, онъ только получаетъ другіе признаки и дѣлается изъ частной собственности частью общаго имущества, во назначеніи его остается тоже самое—служеніе интересамъ своего собственника. Наконецъ, послѣднимъ признакомъ въ нѣмецкомъ торговомъ кодексѣ, обличающимъ новыя юридическаго лица и акціонерныхъ товариществъ, является то обстоятельство, что каждый членъ не можетъ просить объ уничтоженіи или о прекращеніи товарищества. Но, конечно и этотъ признакъ не является существеннымъ, такъ какъ судьба товарищества и въ этомъ отношеніи находится въ рукахъ всѣхъ членовъ, какъ отдельныхъ субъектовъ общей собственности.

¹⁾ Этотъ признакъ имѣетъ огромное значеніе въ глгавѣ Азербайджанскаго — 272.

Рассмотревъ такъ тщательно природу искусства акціонерныхъ компаній, Бриндъ изложилъ образцы въ видъ подвести нѣзъ подъ понятіи о *Zweckgesellschaften*. Но хотя ни и не можеть согласиться съ методомъ Бринда и съ его основнымъ точномъ зрѣніи на юридическое лицо, однакожъ, его выводы одинаково цѣлны и для насъ, представляя собою основанія, на которыхъ такъ же можно указать, отрицающа свойства юридического лица у акціонерной компаніи.

Такимъ образомъ къ акціонернымъ компаніямъ не подходитъ то опредѣленіе юридического лица, которое можно сдѣлать на основаніи уже разобранннхъ нами свойствъ этого юридического института, какъ самостоятельнаго субъекта правоотношеній, выражающагося въ совокупности физическихъ лицъ, образованнаго для достиженія цѣлей равно интересованнхъ всѣхъ членовъ, безъ всякаго отношенія къ его иностранному вѣладу, и существующаго постоянно и тождественно, не смотря на измѣняющійся его фактический составъ.—Это опредѣленіе, говоритъ онъ, никакъ не можеть быть перенесено на акціонерную компанію, представляющую только видъ товарищества¹⁾.

Необходимость установленія вѣрнаго взгляда на существо акціонерной компаніи объясняется серьезными практическими

1) Изъ законодательства Валадской Европы Швеціею данъ выборъ о компаній считать акціонерныя и вообще торгашыя товарищества за юридическія лица; ношванія, которыя обуславливаются французское, нѣмѣцкое и голландское законодательства въ отношеніи падѣленія промышленныхъ компаній на самостоятельную и процессуальную самостоятельность, думая восте доказавшаго трудность падѣленія такихъ компаній основанія юридического лица.

Французскій законъ различаетъ три главныхъ вида товариществъ: 1) товарищество он лон *collectif*—которое заключается между двумя или болѣе лицами подъ общою фирмою, впрочемъ каждый членъ отвѣчаетъ за всѣ обязательства компаніи. 2) Товарищество он *commandite*, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ (или одного) товарищей, отвѣтственности которыхъ ограничены, и владѣльцовъ, которые отвѣчаютъ за всѣхъ убытокъ только темъ суммою, которую они внесли въ капиталъ товарищества. 3) Компанія на акціяхъ (*société*

требованіям, находящимъ свое объясненіе въ томъ, чтобы организація всякаго учрежденія находилась въ строгомъ соотноженіи съ его фактической природой. Такъ, если акціонерная компанія имѣетъ всѣ свойства юридическаго лица, то и по отношенію къ ней должны дѣйствовать всѣ разсмотрѣнные нами условія, касательно органической необходимости для нея государственнаго признанія, и притомъ не на основаніи однихъ только palpabіles свойствъ; дабы устройство самой компаніи и ея представительствующихъ органовъ, способъ веденія дѣлъ должны быть совершенно различнаго свойства, смотря потому есть ли акціонерная компанія юридическое лицо, или же она представляетъ собою только товарищество. Акціонерная компанія, представляя собою форму договорнаго соединенія, должна возникать также свободно, какъ и всякія другія договорныя соглашенія. Требовать для возможности ея происхожденія разрѣшенія

какого-либо; этого вида товарищества можетъ быть учреждено только съ дозволенія правительства; оно не имѣетъ общей формы, не отличается свойствами предпріятія; дѣла его ведутся агентами компаніи; акція могутъ передаваться отъ одного лица къ другому и акціонеры отвѣчаютъ за убытки только внесеннымъ или капиталомъ (Code de Commerce art.—18—60). По Англійскому закону, частное товарищество не признается юридическимъ лицомъ не зависимо отъ лица фактическаго, изъ которыхъ оно состоитъ; въ гражданскихъ дѣлахъ и процессахъ всѣ члены товарищества должны участвовать лично, какъ истцы или какъ отвѣтчики; но акціонернымъ обществомъ можетъ право вести дѣла черезъ одного уполномоченнаго агента, какъ подтверждаетъ компанія, который можетъ представлять общество отдѣльно отъ членовъ, составляющихъ его. Если членомъ товарищества много, то некоторые изъ нихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, могутъ вести дѣла отъ имени общества, или отъ своего имени, и отъ имени тѣхъ членовъ, которые имѣютъ съ ними общіе интересы; но при этомъ всѣ члены, заинтересованные въ дѣлѣ, должны быть представлены этими лицами.

Во Шведскіи товарищество считается какъ бы отдѣльнымъ лицомъ, способнымъ заключать контракты, владѣть собственностью и вести дѣла отъ имени фирмы; если фирма компанія состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ членовъ, то товарищество можетъ вести дѣла подъ своимъ именемъ; но если фирма не личная, а обща, то необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ три члена, за-

со стороны государства это значит свалить преграды свободному развитію отношеній въ гражданской и экономической жизни. Современный бытъ выдвигает на видъ такіа предпріятія, которыя не могутъ быть выполнены на счетъ средствъ одного лица, а основаны кредитнаго кооператива, уже достаточно разившіяся въ жизни европейскихъ обществъ, дають лучшее объясненіе причинамъ возникновенія такого громаднаго количества акціонерныхъ компаній настоящаго времени. Признаніе акціонерныхъ товариществъ должно ограничиваться однимъ только полицейскимъ контролемъ. Если же мы встрѣчаемъ иногда въ ученой литературѣ взгляды, отрицающіе необходимость признанія со стороны государства даже юридическихъ лицъ въ точномъ смыслѣ слова,

думая дѣла отъ своего имени и отъ имени другихъ контрагентовъ, присоединяя къ другимъ случаямъ къ общей фирмѣ самофамиліи (особенно въ западномъ требованіи) Если товарищество въ Англіи дѣлается самостоятельнымъ, то общее имущество его, равно какъ и имущество каждаго члена, солидаруется, но частные кредиторы каждаго изъ членовъ товарищества должны быть удовлетворены прежде, чѣмъ его имущество вступитъ въ улаву должника по товариществу. Въ Шотландіи имущество товарищества можетъ быть солидаруемо и вступитъ на удовлетвореніе кредиторовъ компаніи; кредиторы имѣютъ также право на полное удовлетвореніе изъ частнаго имущества члена. Американскія общества руководствуются въ Англіи и Шотландіи парламентскими актами (законъ отъ 25 и 26 Vict. 89), но статья постановленія, измѣняющая силу 2-го ноября 1802 года акта, соединившаго для деловыхъ законовъ предпріятій, могутъ, внеся свои имена въ протоколъ общества, и исполнить всѣ обязанности условія, составленныя корпоратію съ опредѣленною отвѣтственностью члена или же безъ нея. Отвѣтственность члена общества, составленная согласно съ требованіемъ закона, можетъ быть ограничена, или не ограничиваться сообразно съ протоколами компаніи суммою внесенныхъ имъ акцій, или той суммою такую членъ обязуется внести въ фондъ созданія въ случай не состоятельности—Л. Макдональдъ—Ранскъ. право съ п. 2. в. 2. стр. 243. Изъисследованій видно, что даже въ этихъ странахъ (Шотландіи), гдѣ условіемъ самостоятельности и правосубъектна самостоятельности юридическаго лица не проводится даже главная формула, характеризующая свободнаго юридического лица—*si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitati, singuli debent*

то огульный характер таких взглядов, долженъ расти въ отношеніи акціонерныхъ компаній и въ этомъ послѣднемъ отношеніи совершенно основательно: въ то время, какъ юридическое лицо, являясь самостоятельнымъ субъектомъ правоотношеній, независимо отъ наличияхъ его членовъ, требуетъ вслѣдствіи чисто юридическихъ соображеній государственнаго признанія, какъ органическаго условія для своего появленія въ гражданскомъ быту, акціонерныя общества проявляютъ свою дѣятельность въ болѣе узкихъ предѣлахъ, такъ какъ они представляются только фактическими соединеніями нѣсколькихъ физическихъ лицъ, какъ отдѣльныхъ субъектовъ; слѣдовательно по отношенію къ нимъ дѣятельность государства сводится къ нулю, такъ какъ оно не надѣляетъ товарищество правоспособностью отдѣльнаго субъекта. Государству остается только наблюдать, чтобы соединившимися въ товарищество физическія лица направляли свои силы въ сторону, не задѣвающую общественныхъ интересовъ. Государственное признаніе отменительно акціонерныхъ установленій ограничивается простить надзоромъ въ силу политическихъ и полицейскихъ соображеній. Что же касается юридической стороны въ образованіи товариществъ, то она должна стоять внѣ всякаго вліянія со стороны государства; тѣ презумпціи, которыя обстоятельства происхожденія договоровъ и сдѣлокъ вообще, должны оставаться въ полной силѣ и относительно акціонерныхъ союзовъ. Уставъ ихъ есть не что иное, какъ выраженіе договорныхъ положеній контрагентовъ. Онъ вовсе не долженъ претендовать на выраженіе правоспособности самостоятельнаго субъекта, какъ это бываетъ въ отношеніи юридическихъ лицъ. Правленіе акціонерныхъ товариществъ не есть органъ выраженія воли учрежденія; оно представляется только собраніемъ покровенныхъ, какъ представителей существующей личности отдѣльныхъ акціонеровъ; отмененіа, слѣдовательно, правленія къ цѣлому товариществу должны быть устроены по началу договора порученія или

добровольности подобно тому, какъ это существуетъ въ отноше-
ніяхъ отдѣльныхъ соучастниковъ всякаго общаго имущества, или
condominium'a. Подобный характеръ отношеній иногда оправ-
дывается практическими соображеніями, представляя собою боль-
шую гарантію правильной и безпристрастной эксплуатаціи имуще-
ныхъ средствъ товарищества.

Съ формальной стороны принятіе такого критеріума для
опредѣленія, какъ внутреннихъ отношеній членовъ правленія, такъ
и ихъ отношеній ко всѣмъ остальнымъ акціонерамъ, находитъ
для себя серьезныя объясненія. Въ акціонерномъ товариществѣ,
въ которомъ выгоды участниковъ не разномѣримы, невозможно
предполагать одинаковаго отношенія акціонеровъ къ общимъ дѣ-
ламъ товарищества; это обстоятельство даетъ естественное осно-
ваніе устанавливать относительный вѣсъ голосовъ въ общихъ
собраніяхъ всѣхъ членовъ пассивно управленія и эксплуатаціи
общаго имущества¹⁾; Ръшавшіе голоса считаются здѣсь не по числу
лицъ, а по числу акцій: нѣмѣющій большее число акцій обла-
даетъ и большимъ количествомъ голосовъ, (Jede Actie berechtigt
zu einer Stimme),—и слѣдовательно, оказываетъ больше вліяніе
на ходъ дѣлъ акціонерной компаніи. Если же мы обратимъ вни-
маніе на то, что акціонерное товарищество нѣмѣетъ нѣсколько
органовъ для управленія своими дѣлами, независимо отъ суще-
ствующаго устава, схематически заключающаго поле дѣятельности
учрежденію, то окажется, что самому правленію (Vorstand) от-
мечена въ идеѣ лишь опредѣленная дѣятельность. Въ са-
момъ дѣлѣ, если въ общемъ собраніи голоса акціонеровъ нѣмѣютъ
далеко не одинаковое значеніе, то на какомъ основаніи эта ину-

¹⁾ Folly—das Recht der Actiengesellschaften in d. Zeit. f. d. R. XI § 317.
Bruchmann, Handelsr. § 29.
Bluntschli—D. Privatr. § 139.

нестыжнныя подкладки голосовъ отступаютъ по отношенію къ членамъ правленія, гдѣ принято рѣшать дѣла по простому большинству голосовъ (а не акцій). Подобное уклоненіе и можно объяснить особеннымъ характеромъ, выражающимся въ положеніи самихъ членовъ правленія, которые представляются только пострепанными акціонерами¹⁾. Полнота ихъ дѣятельности опредѣлена чрезвычайно точно: оно, вмѣстѣ съ возможностью постоянного контроля со стороны другихъ органовъ, и составляетъ такую пречную гарантію правильности веденія дѣлъ самихъ правленій.

Съ нашей точки зрѣнія кажутся невыдержаннымъ самый способъ рѣшенія дѣлъ въ правленіяхъ акціонерныхъ компаній, въ силу котораго здѣсь имѣетъ полное значеніе рѣшеніе большинства, а во требуется единогласіе²⁾. Возникновеніе всякаго недоразумѣнія между членами правленія должно быть отнесено на счетъ поспѣшнаго познания статей устава или опредѣленій общаго собранія акціонеровъ. Такое недоразумѣніе должно быть точнымъ образомъ разъяснено, или же въ случаѣ неуспѣшности достигнута единогласія путемъ разъясненія, должно быть внесено на разсмотрѣніе общаго собранія членовъ, товариществъ. Возраженіе, которое можно представить такому способу рѣшенія дѣлъ, заключающееся въ постановкѣ на видъ чрезвычайной медленности производства дѣлъ, ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что случаи задержанія единогласія въ правленіи товарищества очень рѣдки, такъ какъ оно само играетъ важную роль, представляясь наличностью пострепанныхъ компаній, которыхъ дѣятельность очень ясно опредѣлена.

¹⁾ Въ Англіи, какъ мы видѣли, это положеніе формулировано въ законно-дѣйствующихъ опредѣленіяхъ.

²⁾ Такое же требованіе имѣется и въ русскомъ законодательствѣ Ст 2184. в. X. ч. I.

Совѣсть другое значеніе получаютъ представительствующіе органы въ учрежденіяхъ юридическихъ лицъ. Дѣятельность такихъ органовъ, съ внѣшней стороны укладывающаяся въ опредѣленные схематическія рамки, въ сущности своей не поддается точному опредѣленію, такъ какъ она выражаетъ собой волю самостоятельнаго лица.

§ 4. Важнѣйшимъ критеріемъ раздѣленія юридическихъ лицъ является соображеніе характера ихъ внутреннего устройства. Въ этомъ отношеніи въ литературѣ принимается раздѣленіе юридическихъ лицъ на *ordinatee et inordinatee universitates*. Раздѣленіе это имѣетъ существенную важность и не только на первый взглядъ, какъ это думаютъ некоторые ученые¹⁾. Хотя впрочемъ поборники этого дѣленія юридическихъ лицъ не даютъ одинаковыхъ или даже однородныхъ основаній, объясняющихъ характеръ этого различія.

¹⁾ Pfeiffer. Lehre v. d. jurist. P. § 75. Zitelmann § 89.

Не исключаются критики, встрѣчающіяся въ ученой литературѣ дѣла, не принадлежащихъ къ публичнымъ и частнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить самое понятіе о юридическихъ лицахъ публичныхъ и частныхъ? Гдѣ искать наиболѣе примамъ ихъ различія? Публичными корпораціями (*öffentlichen Corporationen*), говорятъ некоторые ученые будутъ тѣ установленія, которые имѣютъ непосредственный государственный характеръ, помогаютъ самому государству осуществлять его задачи; въ противоположность этому первому роду юридическихъ лицъ, называютъ такіе установленія частными корпораціями (*Privatcorporationen*), которые не осуществляютъ своей дѣятельности съ дѣятельностью государства, но преслѣдуютъ познанныя цѣли по свободному своему выбору.

Но уже бѣжнаго взгляда достаточно, чтобы замѣтить всю самостоятельность подобнаго дѣленія юридическихъ лицъ: кромѣ крайней несообразности приманокъ, лежащихъ въ основаніи опредѣленія, подобное раздѣленіе лишено юридическаго основанія. Оно, наконецъ, свидѣтельствуетъ о чрезвычайной широкости пониманія институтъ юридическихъ лицъ.

Въ самой природѣ юридического лица *implicite* заключается его публичный характеръ. Заданъ, преслѣдуемая юридическимъ лицомъ, интересъ прежде всего тѣмъ же учрежденіемъ, либѣтъ имѣетъ съ тѣмъ непосредственный интересъ и для государства.

Савиньи¹⁾ понимать подъ *universitates ordinatae* такія корпораціи, которыя имѣютъ искусственно установленную организацію (*eine künstlich ausgebildete Verfassung*); тѣже корпораціи, которыя имѣютъ употребленіе, только отъчастиющее практическія требованія осуществленія задачъ, называются *universitates inordinatae*. Примеромъ перваго рода юридическихъ лицъ, съ точки зрѣнія Савиньи, являются города, университеты, а втораго — сельскія общины, гильдіи. и проч.

Другіе писатели иначе объясняютъ основанія различія между *universitates ordinatae et inordinatae*.

Гомеъ²⁾ подводитъ подъ понятіе *universitates ordinatae* тѣ корпораціи, которыя имѣютъ представителей.

Глакъ³⁾ въ сущности вовсе не выставляетъ никакого принципа для различія юридическихъ лицъ въ зависимость отъ положенія. Онъ только описательно различаетъ корпораціи съ членами, пользующимися относительно равнoprавіемъ и стоящими въ известной степени административнаго подчиненія другъ къ другу.

Все эти основанія, выставленныя учеными, не смотря на ихъ неопредѣленность (особенно Савиньи), показываютъ на то глубокое различіе въ характеръ организаціи корпораціи съ опредѣленными органами и безъ этихъ органовъ управленія. Какъ кажется, нагляднѣе всѣхъ выразилъ разницу между *universitates ordinatae et inordinatae* Гомеъ. Онъ условилъ самый главный признакъ различія — существованіе или отсутствіе представителей у корпораціи. Въ дѣйствительности въ этому признаку сводится

¹⁾ Sav. II. 245.

²⁾ Gesehn-Vorlesung. I. 207.

³⁾ Glück Comment. B. 1.496 — ob einige Corporationenglieder eine mit Zwangsrechten versehen Direction und Gerichtbarkeit über die andern haben oder nicht, und heissen die Corporationen der ersten Art. *universitates ordinatae*, die der Zweiten — *inordinatae*.

во разнообразіи въ устройствѣ юридическихъ лицъ, какъ *universitates ordinatae et inordinatae*.

Институтъ юридического лица для осуществленія своихъ правъ въ гражданскомъ быту естественно нуждается въ представителяхъ, или въ органахъ. Отсутствие представителей равносильно ограниченному въ правовомъ отношеніи существованію юридического лица, не имѣющаго возможности при такихъ условіяхъ стать организмомъ субъектомъ правоотношеній. Представитель корпораціи является самымъ совершеннымъ органомъ выраженія воли юридического лица вплоть до тѣхъ измѣненій, назначеній самаго института. Въ корпораціи, которыя подходят подъ названіе *universitates inordinatae* (т. е. имѣющія постоянныхъ, законныхъ представителей) представляется юридически поразительнымъ. Представительство до такой степени тѣсно связано съ природою всякой корпораціи, что, въ строгомъ смыслѣ, безъ него фактически невозможно и существованіе этого учрежденія. Различіе между *universitates ordinatae et inordinatae* сводится собственно не къ существованію или отсутствію представителей у корпораціи, а къ большой или меньшей степени совершенства въ организаціи самаго представительства; такъ что, если съ формальной стороны корпорація и кажется существующей безъ представителей, въ дѣйствительности она вовсе не лишена этихъ послѣднихъ—вопросъ только въ томъ, являются ли они постоянными для всѣхъ случаевъ, какъ это бываетъ напр.; въ городскихъ корпораціяхъ, или же они выступаютъ только въ опредѣленные сроки, когда этого требуетъ необходимость. Во всякомъ случаѣ надо согласиться, что *universitates inordinatae*, являясь менѣе совершенною формою корпоративнаго устройства, представляются выстѣ съ тѣмъ примитивными видами юридическихъ лицъ; такъ что окончательное разнѣе устройствъ этихъ послѣднихъ указывается всегда въ томъ, что они происходятъ изъ *universitates ordinatae*. Правильности этого положенія

можно прослѣдить на развитіе государства, какъ самой древней формѣ юридическаго лица. Развитіе государственнаго обществѣ изъ этихъ отношеній характеризуется постепенныхъ образованіемъ отдѣльныхъ представителей различныхъ частей государственнаго организма. Такихъ образцовъ, если практика и дала бы намъ нѣсколько примѣровъ корпорацій, существующихъ безъ представительства, то подобныя примѣры слѣдуетъ отнести на счетъ такого несовершенства въ ихъ организаціи, которое граничитъ съ полною невозможностью признать такихъ корпорацій за юридическія лица. Но какова бы ни была организація представительства юридическаго лица, она никакимъ образомъ не вліяетъ на внутренній характеръ самаго представительства, какъ органовъ для выраженія воли отдѣльнаго субъекта. Уже одно это соображеніе достаточно показываетъ по одну только исполнительную роль представителей юридическаго лица или ихъ пассивный характеръ по отношенію къ образованію содержанія самой воли. Дѣятельность представительствующихъ органовъ хотя и находитъ для себя схематическое опредѣленіе въ уставѣ учрежденія, естественно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не можетъ укладываться въ опредѣленные рамки. Что же касается вліянія общихъ собраній членовъ корпораціи на представительствующихіе органы, то оно носитъ на себѣ часто отрицательный характеръ, такъ какъ это вліяніе должно ограничиваться только однимъ выборомъ представителей и контролемъ надъ ихъ дѣйствіями. Подобное обстоятельство объясняется тѣмъ, что задачи, которыя преслѣдуетъ корпорація, одинаково интересуютъ весь наличный составъ членовъ, такъ что не встрѣчается ни малѣйшаго препятствія уполномочить на веденіе общихъ дѣлъ нѣсколькихъ ответственнѣхъ порадѣ учрежденія лицъ для достиженія возможной правды въ отношеніи юридической жизни самого института. Такое широкое полномочіе представителей объясняется еще познаниемъ отъ необходимости избѣжать медленности въ производствѣ дѣлъ,

возможностью поставить представителями наиболее опытных членов корпорации.

Некоторые новейшие писатели¹⁾ ставят общими правилами, что собрания членов корпорации являются постоянными органами для управления общими делами. Баунтцли²⁾ принимает за органы всякой корпорации общее собрание членов, представителей, агентов и простых исполнителей (Dienst). Каждый из этих органов имеет, по мнению этого писателя, соответственные функции: „общее собрание членов состоит из действительных и правоспособных членов корпорации, чьи голоса в отношении друг к другу совершенно равны. Решение большинства присутствующих членов принимается за общее постановление, как это признавалось издавна и с совершенно естественным основанием. Комитетом общего собрания распространяется на установление статута, выбор представителей, контроль этих последних и на прекращение существования корпорации; впрочем во всех этих отношениях деятельность общих собраний ограничивается вмешательством государства, как верховного блюстителя общественного блага. Представительствующие органы, образовывающиеся путем выбора из наличного состава членов, ведут текущие дела корпорации: совершенно самостоятельно управляют имуществом, расходуют средства, вносят проекты для обсуждения общих собраний членов, управляют делом самих собраний в собраниях и приводят их к исполнению их решений. Если представительство тоже состоит из избранных членов, то и здесь дела решаются по большинству голосов“. Таким образом и с этой точки зрения Баунтцли видит общих собраний в строгом смысле слова ограничивается только выбором представителей и контролем над ними, так как со-

¹⁾ Баунтцли, Вагнер и др.

²⁾ D. Private § 41.

такоже статутъ корпораціи не зависитъ исключительно отъ воли этихъ собраний, а зависитъ еще и отъ воли государственной власти; Но надо вспомнить, что Ваунтман, оправдывая компетенцію представляющихъ органовъ въ виду и тѣ фактическія соединенія лицъ, которыя не могутъ быть признаны за отдѣльныхъ субъектовъ правоотношеній: если же по отношенію къ образованію статутъ этихъ соединеній вліяніе государства и можетъ ограничиваться одними контролемъ и являться вообще съ чисто отрицательнымъ значеніемъ, то по отношенію къ корпораціи дѣятельность государства въ дѣлѣ образованія статутъ часто отличается положительнымъ характеромъ. И такъ, выдѣляя изъ компетенціи общихъ собраний функція — образованія статутъ и прекращенія корпораціи, мы распространяемъ ее только на выборъ и контроль представляющихъ органовъ. Поэтому въ тѣхъ корпораціяхъ, гдѣ есть представительствующіе органы и гдѣ дѣятельность этихъ послѣднихъ выражается правильно, такъ общія собранія и не могутъ называться органами корпораціи, такъ какъ ихъ дѣятельность ограничивается учрежденіемъ представительства, а не представляетъ непосредственнаго выраженія воли корпораціи, какъ правоспособнаго субъекта, въ дѣлахъ управленія ¹⁾.

Если органъ корпораціи, какъ юридическаго лица, состоитъ изъ нѣсколькихъ физическихъ лицъ, то выраженіемъ воли этой корпораціи надо всегда считать рѣшеніе большинства. Непосредственное же выраженіе воли большинства наличныхъ членовъ корпораціи тѣмъ болѣе представляетъ волю цѣлой корпораціи, какъ юридическаго лица.

Отъ этихъ принциповъ, принимаемыхъ почти всеми писателями, однакожъ, не соглашается Саннинъ ²⁾ и Пфойферъ ³⁾.

¹⁾ Независимость или обособность сама, составляющаго юридическое лицо исключено по вліянію характера компетенціи общихъ собраний а также значенія представляющихъ органовъ.

²⁾ System. II. § 97.

³⁾ Lehr. v. d. J. r. 30.

Самыя вѣтъ казали образомъ могучаго сполъ вокарѣ-
нїа: „поборнїи этого принципа, говорятъ етъ, выхадать изъ
того убѣжденїа, что по отношенїю къ корпораціамъ должетъ
прїнїпїаться или принципъ большинства или единогласїа; осно-
ванїемъ такого убѣжденїа ученые служатъ смѣшенїе двухъ по-
нїтїй—совокупности членовъ корпораціи и самой корпораціи,
какъ самостоятельнаго субъекта. Кромѣ того, это убѣжденїе объ-
ясняется еще тѣмъ, что всѣ корпораціи считаются устроенными
на демократическихъ началахъ, объясняется словомъ, идеей па-
роднаго суверенитета, перевесенной изъ права публичнаго въ
область права гражданскаго и прїнївенной къ юридическимъ
лицамъ. Но если для всѣхъ случаевъ мы предположимъ сре-
доточїе власти въ рукахъ совокупности членовъ корпораціи,
то этимъ самымъ мы ограничимъ кругъ юридическихъ лицъ
лишь единици *universitates inordinatae*, такъ какъ по отноше-
нїю къ тѣмъ корпораціамъ, которыя подіодать подѣ понїтїю
universitates ordinatae, мы не можемъ сказать, что совокупность
членовъ обладаетъ всею властью управленїа дѣлами корпораціи,
а представители ихъ являются только административными орга-
нами: одно устройство германскихъ городовъ, какъ корпорацій,
доказываетъ, что въ силу муниципальной конституціи власть
управленїа городовъ дѣлилась между бургомистрами, сенатомъ
и представителями буржуазїи; кромѣ того, доущенїю простаго
численнаго большинства для дѣятельности опредѣленїй корпо-
раціи нарушается внутреннїй различїемъ между самими чле-
нами, принадлежащими къ различнымъ классамъ, какъ это было
напр. въ сельскихъ общинахъ въ Германїи. Наконецъ, невоз-
можность согласиться съ писателями, принимающими принципъ
большинства, объясняется еще трудностью сохранить постоянный
составъ членовъ корпораціи и тѣмъ различїемъ, которое почти
всегда существуетъ между численнымъ составомъ членовъ въ
данную, настоящую эпоху и въ будущее время“.

Но едва ли можно придавать какое либо серьезное значение этому мнению Савинья: вся неубедительность его аргументации происходит съ одной стороны изъ видѣнія своеобразнаго взгляда на значеніе органовъ корпораціи, а съ другой изъ видѣнія основнаго взгляда Савинья на юридическое лицо, какъ на лицо фактическое, котораго представителемъ является вся совокупность членовъ. Такой взглядъ на всю совокупность членовъ корпораціи, естественно, никакъ не можетъ согласить относительнаго положеніе тѣхъ органовъ, которые образуются отдѣльными представителями и общихъ собраний. Что же касается соображенія, по которому простому численному большинству нельзя придавать рѣшающаго значенія по причинѣ внутренняго различія между членами корпораціи, принадлежащими къ различнымъ классамъ, то ему нельзя придавать никакого теоретическаго значенія; если же практика и представляетъ намъ прихѣри подобнаго различія между членами корпораціи, то эти прихѣры не должны оказывать никакого отрицательнаго вліянія на разбираемое нами положеніе.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

На сѣр- ниці.	На сѣрнѣ сѣрнѣ.		
4	20	(Warcin)	(Versin)
8	25	Zehre	Lehre
"	26	неучебный!	неучебный
0	18	Zehr	Lehr
"	34	ruhende	ruhende
"	39	фантастическій	фантастическій
"	38	Uebensch	Uebensch
16	17	Средствъ	Средствъ
18	14	in Stiftungen	Stiftungen
24	5	устройство	устройство
31	31	quamis	quamis